

НАШИ • ТАМ

АДМИРАЛ

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН

САШКА

Наши там (Центрполиграф)

Владимир Поселягин

Сашка

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Поселягин В. Г.

Сашка / В. Г. Поселягин — «Центрполиграф», 2017 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-07763-9

Кто-то мечтает получить новую жизнь и начать её по-другому, однако в реальности не все этого хотят. Именно таким и был главный герой этой истории Александр Поляков, однако Судьба решила всё за него. Новая жизнь, новая семья и ещё большая ответственность. Куда большая. Ведь попал он в сорок первый год. Правда, в январь, но от этого лучше не становится. Ленинградская область, окрестности Чудского озера и послезнание. Так что стоит выбор: оставить на погибель новую семью или, хрипя от натуги, вытащить её из этой беды? Это очень трудно, особенно когда новому телу нет и двенадцати лет. Но ответственность, характер, а главное – воля с упорством к победе осталась с Сашкой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-07763-9

© Поселягин В. Г., 2017
© Центрполиграф, 2017

Владимир Поселягин

Сашка

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

© Поселягин В. Г., 2017

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2017

© «Центрполиграф», 2017

* * *

Обычный случай для попаданца: ночные воды реки, удары волн о борта белоснежного катера, удочка, шум квока, натянутая сомом леска и внезапный удар грома со вспышкой молнии в чистом звёздном небе, сводящие на нет радость добычи, которую уже удалось подтянуть к борту. Природа бушует или кто-то там на небе свои божественные игры устраивает? С учётом того, что ни облачка, иначе звёзд не увидел бы, второе как-то само приходит на ум, несмотря на закоренелый атеизм.

– Не понял, откуда гром? – удивился мой помощник, а также старший по техобеспечению моего же яхт-клуба.

В прошлом боцман на разных судах, выйдя на пенсию, старик устроился в моём клубе и взял на себя всю техническую оснастку. Я ни разу не пожалел, что взял Пахомыча на работу, вот только он был чисто гражданским специалистом. На флоте срочником служил, но на транспорте, видимо, слышать такие громы ему не приходилось, в отличие от меня.

– Это не гром, – ответил я, разгибаясь, но крепко удерживая леску, намотав её на бортовой фланец, чтобы не резала руки от рывков сома. – Ты что, никогда артиллерийскую канонаду не слышал?

– Так это учения идут?

– Тут нет полигонов. Странно всё. Может, склад загорелся и боезапас рвётся? Так зарево было бы видно. До Москвы километров сорок, никто тут стрелять не будет. Случилось, похоже, что-то.

– О, там зарево, похоже, действительно склады горят.

Я рассмотрел в темноте движение, Пахомыч указывал направление, как вдруг послышался свист, и рядом метрах в ста в воду ухнул снаряд, вызвав неслабый гейзер, чего просто не могло быть. На складах снаряды даже в нашем бардаке со вкрученными детонаторами не хранят. А в небе две новые вспышки, похоже, ещё два снаряда разорвались. Тут послышался схожий свист приближающегося снаряда.

– Наш! – заорал я. – В воду!

Видимо, от рывка сом стал биться сильнее, да и оглушило его первым разрывом, поэтому он, резко дёрнувшись, натянул леску, и мою руку прижало к леерам катера. Я слышал, как с шумом обрушился в воду Пахомыч, он знал, зря я кричать не буду, слышал, как щёлкнуло лезвие моего складного ножа, который я всегда ношу на поясе в чехольчике, но перерезать леску, что прижала мою руку к штырю, не смог. Просто не успел. А говорили, своего снаряда не услышишь. Только вот что странно: склады залпами не горят, а грохот доносился именно в виде залпов. Могу ошибиться, но будто дивизион «Гвоздик» давал полноценной залп. Что же произошло?

Захрипел, боль в груди всколыхнулась, но стала гаснуть, когда я почувствовал тёплую ладонку у себя на лбу. Чёрт, неужели повезло? Выжил? Но с какими потерями? То, что без

ранений не обошлось, это ясно, главное, что руки-ноги целы. Остальное переживём и подремонтируем.

– Как ты, Пахомыч, уцелел? – прохрипел я.

Хрипел и сам не узнавал себя. Проведя языком по зубам, удивился ещё больше. Частокол был не мой, ну не мой, и всё. Непривычный, хотя все зубы на месте. Попытка открыть глаза не увенчалась успехом, похоже, на них была повязка. Однако мой вопросительный хрип не пропал даром. Я даже больше скажу: его явно смогли разобрать, хотя вопрос был маловразумительным.

– Мама, Сашка очнулся! – крикнул тот, кто сидел рядом со мной, куда-то в сторону.

Кричали женским, даже девичьим голосом. Звонким, с бархатными нотками.

Со слухом у меня было всё в порядке, скорее, он даже улучшился и стал чуть ли не музыкальным, и только по этому одному крику я понял, что находимся мы в небольшой комнате: не эхо, а нечто подобное отразилось от стен, потолка и, возможно, пола. Но главное – запах, запах жилого дома, пирогов, керосина, чего-то скисшего, вроде квашеной капусты, и забродившего, явно бражки. Так в больнице пахнуть не могло. Ничего лекарственного унюхать я не смог, даже от повязки. Аналитик я был отличный, поэтому сразу стал раскладывать по полочкам всё, что произошло, мне это как-то привычнее – анализ получался более широким и, скажем так, подробным.

Начнём с тела. Оно не моё, сто процентов. Зовут, похоже, Александром, тут попадание, не придётся привыкать, это хорошо. Пока я размышлял, вернее, только начал это делать, на крик отреагировали, да и другие звуки проявились, на которые я ранее как-то не обратил внимания. Выюжило, похоже, снаружи – слышалось завывание ветра в печной трубе. Кто-то открыл в соседнем помещении дверь, и до меня донеслась морозная свежесть воздуха, но с примесями... Непонятными примесями народного хозяйства. Что-то вроде взопревшей соломы, помёта кур ну и остального, что может быть в сельском хозяйстве. Уже интересно, не знаю, в кого я попал, но то, что снаружи зима, – это понятно отчётливо.

Неизвестный, по-стариковски кряхтя, стал веником отряхивать валенки. О появившемся идеальном слухе я уже говорил? Так вот, оббивал он именно валенки, да и как веником по ним проходил, я тоже расслышал и без труда распознал. Помимо этих звуков было несколько взрослых голосов, но также множество детских. Мне показалось, что их было больше десятка, но я чуть позже разобрался, что гам исходит от пятерых детей до десяти лет от роду... Хотя нет, шестерых. Подала голос ещё одна девочка. Лет двенадцати вроде. Вот от её голоса будто что-то колыхнулось в груди, родное и тёплое. Непонятно. А всё, что непонятно, настораживает.

Так и не дали мне проанализировать моё состояние. Быстро почему-то собрались все, кто находился в этом неизвестном мне здании, как я подозреваю, обычной деревенской избе. Детишки шушукались, недалече агукал ребёнок, но не младенец, за год точно, слишком звуки издавал осмысленные, хотя и непонятные.

Вдруг послышался девичий шепоток:

– А Сашка проснулся?

Голосок слышался откуда-то ниже моего ложа. Да и оно само было несколько непривычным. Мало того что шею колот явно мех, видимо, что-то подстелили под меня, так ещё этот мех подогревался снизу. Я был в лёгком поту. Хм, если бы я не знал, что живу в двадцать первом веке, подумал бы, что лежу на печке на меховой шкуре. Однако и тело другое. Перенос? Вполне возможно, значит, и печка тоже возможна. Пока остановимся на этом, и нужно что-то решать с неизвестными аборигенами. Определиться на местности – что делать. Одно понятно: наилучший выход – это потеря памяти. Я не большой любитель книг, но о попаданцах читать приходилось в редкие моменты, так что тему знал. Тем более что-то давило в левую сторону головы и там чувствовалось заметное онемение со всполохами лёгкой боли. Не обычной голов-

ной, а как при травмах или ранениях. В жизни у меня всякое случалось. Плечо ныло, ещё в нескольких местах тянуло.

– Проснулся, – пробормотал я. – Что с моими глазами? Руки-ноги чувствую, уже шевелил ими, а с глазами что?

– Ожил! – Радостный многоголосый гул дал мне возможность и без зрения определить, кто стоит рядом.

Точно – старушка лет близко к семидесяти, старичок, что всё аскал – ась да ась. Женщина лет тридцати пяти по голосу, сыночком меня называла, видимо, это тело ранее принадлежало её сыну. Потом голосок девушки, моей сиделки, примерно лет двадцати, но тут я могу ошибиться. Дальше снова девчонка лет двенадцати, следом две девчушки лет восьми, возможно, погодки. Ещё были мальчишка и две девчушки, возраст не определяю, но точно ещё маленькие, а если вспомнить ещё ребёнка в соседнем помещении, получалось, со мной девять детей. Неплохо. Если родные, то мать-героиня девять живёт, без разговоров.

Всё это пронеслось молнией в мыслях, анализ занял секунды две максимум, так что буря объяснений, по-другому это было не назвать, меня не смела. Почувствовав касание на лице, я увидел, как повязку приподнимают на лоб. Свет – о счастье! Свет керосиновой лампы, значит, мой нос не обманул, была лампа, но главное – зрение.

Я был ранен, причём подстрелен бандитами, когда прикрывал нашего раненого участкового Дмитрия Пантелеевича Пахомова. Видимо, когда я задавал вопрос о Пахомыче, его восприняли по отношению к участковому. С тремя ранениями он лежал в своей хате деревеньки, и там сейчас был привезённый из райцентра отцом Сашки врач.

В общем, как я понял, дело было так: Сашка возвращался с охоты на лыжах – двух зайцев взял, сейчас бульончику принесут подкрепиться, второго зайца семье участкового отдали, чтобы раненого главу семьи кормить – и сразу направился на выстрелы. Опытный охотник – ещё бы, отец лесник – сразу вычленил в выстрелах, что стреляют из наганов и ТТ. Последний был только у участкового. Выстрелы слышались на дороге, которая вела к складам леспромхоза. Сашка рванул на помощь и подоспел вовремя. Банда, что налетела на бухгалтерию леспромхоза и взяла кассу, на свою беду, возвращаясь, повстречалась с участковым на узкой лесной зимней дороге. Кто палить первым начал, никто разобрать не смог, но Сашка из своей мелкокалиберной винтовки убил четверых из шести бандитов. У всех аккуратные дырочки в висках. Поляковский почерк. Я уже без особого удивления узнал, что не только по имени схож с бывшим хозяином тела, но и по фамилии. Вот только по отчеству совпадения не было. Отец у Сашки – Кондрат, а у меня – Михаил.

Пятый бандит был участковым застрелен, а вот шестой оказался на удивление упорным, палил не переставая, будто имел с собой вагон патронов. При перестрелке три пули схлопотал участковый. Но он ранен был, ещё когда пешим вышел к саням бандитов, не подозревая, кого несёт ему навстречу. Уже будучи раненным, возницу снять умудрился да лошадь ранить, а тут и Сашка подоспел. Вот с ним чуть хуже. Четыре попадания. Одна в плечо, нужна операция, пулю вынимать, другая по касательной по спине, третья попала в приклад винтовки, разбив его, от удара пули тот приложился по боку, похоже, пара рёбер сломана, ну и самое лёгкое, на мой взгляд, по касательной по голове. Там мелочь, череп цел, но зато можно использовать ранение для имитации амнезии. Вырвав клоч волос, пуля улетела, но теперь у меня был железобетонный повод говорить, что никого не помню. Это было правдой, я реально никого вокруг не знал.

Всё это вываливалось таким скопом, что было трудно вычленивать что-то членораздельное, но я старался, и даже получалось. Меня ругали, хвалили, пара девчушек всхлипывала, жалея. Старичок одобрительно побряхтывал, старушка кончиком головного платка утирала слёзы. Осматривая всех – не ошибся с количеством, полом и возрастом, – кто столпился у печки, всё же лежал я на печке, негромко спросил у всех присутствующих. Не громко.

– А вы кто?

И мой вроде невинный вопрос вызвал гробовое молчание в избе.

Потянувшись, я нагнулся, подхватил тушку филина и, закрепив её на палке, побежал лёгкой трусцой в сторону нашей деревни. М-да, всё же прижился и акклиматизировался, если это можно так назвать. Было ли тяжело? Было, не скрою, ещё тяжелее было поставить себя, именно так. Все эти месяцы до конца весны только этим и занимался. Совсем недавно отзвенели весенние ручьи и вокруг зацвело.

Добежав до лосиной кормушки, посмотрел следы, отец попросил, он сюда не успевал. Были лоси, под утро, а сейчас время к вечеру. Устроившись в стороне на поваленном дереве, я достал из небольшой котомки остатки обеда и стал ужинать, хотя можно сказать – полдничать. Пока крепкие молодые зубы перемалывали слегка зачерствевший хлеб с салом, перья чеснока и зелёный лук, сорванный сегодня с огорода, я прокручивал в памяти всё с момента попадания в это новое своё тело. Прошлый владелец так и не проявился, и я понял, что не проявится никогда. Но перед уходом он мне много что подарил. Об этом чуть позже.

Так вот, попал я в тело Александра Кондратьевича Полякова, причём, похоже, попал в тот момент, когда он получил по касательной ранение головы. Очнулся я на печке спустя шесть часов. Об этом тоже чуть позже. Семья Поляковых была большой, хотя для местных – обычной. Глава семьи, Кондрат Гаврилович Поляков, – лесник. Мать, Анна Георгиевна Полякова, – счетовод в леспромхозе. Во время нападения банды она была дома, выхаживала простывшую дочь Татьяну, старшего ребёнка в семье – симпатичную дивчину семнадцати лет. В этом году она окончила школу и готовилась поступать по велению отца в сельскохозяйственный техникум в Ленинграде. Теперь всей семьёй её собирали, завтра отъезжаем.

Следующие дети у Поляковых были двойняшки – это Сашка, теперь уже я, и Марина. За последние пять месяцев я уже несколько свыкся, что являюсь именно Сашкой, сыном лесника и лучшим следопытом района. И у меня сестра Марина. Мы очень похожи и так же не различимы по характеру. Мой изменился, это видели все, причём изменился кардинально. Сашка всё же был добряком. В принципе я тоже, но добрым остался только по отношению к семье, а на остальных мне было начхать. С семьёй я свыкся, можно сказать, полюбил, но именно сестра меня выхаживала. Сложные у нас с ней отношения. Говорят, двойняшки, как и близнецы, чувствуют друг друга. Марина, видимо, имела какую-то связь с братом, а тут её не стало. Пришлось приложить немало сил, чтобы стать в семье своим, сблизиться с Мариной. Я её действительно теперь считал родной.

Дальше идут две сестрёнки: девяти лет Валентина и восьми – Лукерья. Второй сын – Дмитрий, семи лет, мелкий пострелёнок, которому до всего есть дело, так что приглядываю за ним, не без этого, обучаю всему, а то в бабском окружении растёт. После братишки ещё три сестрички. Ольга пяти лет, Анька четырёх и Наташа – через пару месяцев два будет. Это ещё не всё, судя по большому животу матери, семейство снова увеличится, и произойдёт это месяца через два. Я думал, при знакомстве с семьёй детей было восемь, но нет, с Татьяной – девять, а с новым ребёнком будет десять.

Помимо них в семействе были бабушка с дедушкой со стороны отца. Дед, Гаврила Иванович, бывший артиллерийский унтер, контуженный в войну. Последствия видны и сейчас. Иногда он замирает и, как в припадке, трясёт головой. Такое бывает в моменты сильных волнений, а так старичок как все, седой да бородатый. Ольга Пафнутьевна, бабушка, мастерица на все руки, и именно на неё было возложено всё хозяйство по дому и присмотр за маленькими. Если бы не Таня и Марина, трудно было бы ей. А так помогают, когда не в школе. В последнее время к этому стали и Валю с Лушей привлекать, взростают девчата.

Зимой, примерно за четыре месяца до ранения Сашки, сгорел дом Поляковых. Тогда полдеревни выгорело, лютый ветер был, искры во все стороны летели. Раньше в деревне с два десятка домов было, а теперь всего семь. Хорошо, дом бабушки с дедушкой на окраине стоял,

туда и переселились. Земляные полы в хате деда меня до сих пор убивают, а им привычно. Дом разделён на две комнатки с печкой посередине, она и для обогрева, и для готовки. Именно на ней я очнулся. Как мы в этой избе помещались, сложно сказать, но теперь хоть знаю, что такое «спят друг на друге».

Так вот, всё началось после ранения. Похоже, именно тогда я и был переселён в тело почившего Сашки. Когда очнулся и вдруг выяснилось, что никого не узнаю, в хату в сопровождении отца как раз пришёл врач из больницы, что в райцентре находилась. Он меня осмотрел, опросил и с отцом с печки перенёс на общий кухонный стол. Ему ламп нанесли побольше. Он выгнал почти всех на улицу, дал мне понюхать какой-то дряни и прямо на столе провёл операцию – довольно качественно извлёк пулю, ничего не повредив. Вон, рука в порядке. Он же и упомянул такой диагноз – амнезия. Это я на следующий день узнал, когда очнулся после операции. Доктор часто к нам приходил, а когда я снова стал ходить в школу, то уже ездил к нему на осмотр.

Рассказывать подробно, как я познавал мир, не буду, уточню главное. То, что время не моё, я уже понял: был январь сорок первого года. Тысяча девятьсот сорок первого года. Находились мы в Ленинградской области, в двенадцати километрах от озера Чудского и в шести от реки Нарвы. До школы в районном посёлке Сланцы ходили через лес, это на лыжах шесть километров напрямки, а по дороге все пятнадцать будет. Малые под присмотром бабушки. Родители, как и большая часть жителей, работали в леспромхозе, его склады и контора находились у перекрёстка дорог, в паре километров от нашей деревни. Почему бандиты именно к нам свернули, не скажу, видимо, через деревню хотели проскочить. Один из них, пока мы, раненные, кровью истекали, умудрился уйти с частью добычи. К счастью, довольно быстро у места боя оказался верхом почтальон, он-то и помог участковому, ну и меня по стонам нашёл. На повозку погрузил, распряг мёртвую лошадь, свою завёл – и в деревню.

Я уже смирился с моим перемещением, хотя в первое время злился, и лёгкая тень досады до сих пор иногда поднимается в душе. Сейчас даже интересно всё стало, а в первое время очень тоскливо было и тяжело. На что я променял свою жизнь? У меня вообще всё было в порядке. Я не говорю – хорошо, хотя это определение тоже подходит, просто не люблю так говорить. Порядок – как на флоте, это по мне определение. Да, я сам поднял себя, поднялся, силой, волей и упорством сделал себя. Да и что рассказывать? Жизнь как у всех: родители, семья, школа, армия, Кавказ, вторая чеченская, которую зацепил краем. Всё было. Потом работа, тяжёлая, отказывая себе во многом. Преодолею и этот рубеж. В олигархии не выскочил, да и не нужно мне было, но всё в порядке. Свой яхт-клуб, названный моей же дворовой кличкой «Адмирал». Были причины. Любимая жена. Чего ещё надо? Живи и радуйся. Я именно это и делал, заслужил своим потом и кровью.

О подобном перемещении даже не подозревал. Однако случившегося не изменить, я это отчётливо понял недели через две, когда отходил после операции. Ещё теплилась надежда на возможность возвращения, но её становилось всё меньше и меньше. Как-то внезапно озарило, что всё, назад пути не будет. А так, если я и рефлексывал, то семье старался этого не показывать, мне проще забиться в угол, чтобы пережить всплески эмоций, но не делать этого на людях. Не терплю и не люблю.

Именно тогда я понял: нужно вживаться в этот мир и что-то делать. Как и любой попавший, имел знания о будущем, а историю я помнил хорошо, имел светлую голову и довольно неплохую память, однако бежать с криками и сообщать об этом... Не знаю, что будет, но если даже поверят, то сидеть где-то взаперти и работать вроде оракула мне не хотелось категорически. Хотя держал в уме как запасной путь в жизни, может, и подойдёт, но только в крайнем случае. Не хочу, чтобы меня постоянно держали под контролем, если даже выдоив на знания, отпустят обратно к семье. Вольная птица – это обо мне.

Рыбаком я был страстным, чего не отнять – того не отнять, но и охотой баловался, без этого, однако только тут мне открылись новые горизонты. И сейчас стоит рассказать о том, что я всё же получил от Сашки, а это для меня как подарок с небес, и отказываться от него в здравом уме я даже не мыслил. Так вот, у Сашки было умение, хорошо развитое отцом, ну и, видимо, им самим. Это я говорю – умение, но на самом деле это был самый настоящий Дар, подарок с небес, причём в двух направлениях. Первый и, на мой взгляд, самый важный – Сашка был лучшим стрелком нашей области, да и, думаю, соседних тоже. Положить в шестилетнем возрасте мелкокалиберную пулю точно в голову кабану с четырёхсот метров, при том что у его любимой винтовки ТОЗ-8 прицельная дальность едва двести пятьдесят метров, – это нужно иметь огромный опыт и везение, но всё перекрывал тот самый Дар, данный природой. Правда, пуля вреда кабану не нанесла, лишь вырубил ненадолго, потом он, очнувшись, сбежал. Слабая убойная сила. И Сашка постоянно выдавал такие результаты в стрельбе, доказывая, что первый выстрел – не случайность.

Он был не только великолепным стрелком, но и следопытом. Когда я уже со всеми познакомился и заканчивал лечение, отец озабочился, не растерял ли я умения, а к тому моменту я уже отождествлял себя как Сашку. Не сказать, что мимикрировал, скорее просто вживался в роль, и многочисленные сестрёнки и единственный брат мне в этом изрядно помогли. Вот сейчас вспомнил о них – и как будто тёплая волна прошла по сердцу. За эти месяцы они реально стали родными, и я их постараюсь никогда не бросить. По собственной воле, конечно.

Отец был серьёзным бородатым мужиком и, несмотря на большую занятость, находил время пообщаться со мной, поговорить. Когда я начал ходить, тот с одобрением воспринял мои пробежки вокруг нашего участка. Он был большой, метров четырёста. Тропинку в снегу натоптал я серьёзную. А для детворы это было лишь веселье, вдогонку со мной бегали. Отец, когда увидел, лишь одобрительно усмехнулся в бороду и велел переходить на лыжи, а потом и в лес потащил. Хотел понять, растерял я свои навыки или нет. К моему на тот момент огромному удивлению, оказалось, что нет. Пока шли, отец тыкал пальцем в следы, что нам попадались, спрашивал, что это. Проводил таким образом экзамен, и сдал я его блестяще. Вот ведь, да я даже половины животного мира этого района не знал, а тут откуда-то всплывали из глубин, похоже, не моей памяти нужные слова, и я отвечал, и, судя по счастливому лицу отца, отвечал правильно. Причём не только кто прошёл, но и когда и куда. Сам от себя такого не ожидал.

Мы вышли на большую вытянутую поляну, явно возникшую при пожарище. Когда мы покинули дом, отец велел мне взять винтовку, которую я каждый день чистил и осматривал, привыкая, да с десятков патронов. Больше отец выделять для тренировки не хотел. Деревенские мы, один выстрел – одна добыча, и никак иначе. В засаде можно сидеть хоть сутки, но только один выстрел – и без добычи не возвращайся. В чём-то отца я понимал, так что старательно целился. А он с каждым разом уносил мишени всё дальше. На четырёхстах метрах я уже не был уверен в результате. Но попал, три пули – и все в цель. Сам не ожидал. Винтовка была неновая, не сказать что расстрелянная в хлам, но, похоже, скоро и до этого дойдёт, однако всё на месте, ложе крепко держится, так что пока послужит. Да и уж больно удобная она для меня – и лёгкая, чуть больше трёх кило, и хватистая. Ложе теперь было ореховым, отец выстругал новое из запаса высушенного дерева: моё старое было разбито пулей.

После того дня я уже почти каждый день уходил в лес, тренировался. Сашка отцу был помощником, и я, поначалу получая мелкие задания, вернулся в струю, в которой раньше тот жил. Он был пареньком крепким, тренированным, но как-то однобоко тренированным. Охотник и следопыт. Бой с ножом, которым я владел на уровне армейских знаний, у него не был развит, тут уже я старался. Даже обломок косы превратил в метательный нож и учился, учился и учился. Из леса возвращался редко без добычи. Ну не встречалась. Шёл бы на охоту, то что-нибудь да добыл, а так, выполняя поручения отца, больше знакомился с лесом. Нравилось мне здесь. Отец, когда заново знакомил с лесом, показал границы своего участка. Часть по реке

Нарве шла. По весне, когда снег сошёл, мы с отцом уже иногда покидали дом на двое, а то и на трое суток, и уже знал, где можно ходить и где нет. Обширный у отца участок, за день не обойдёшь. Даже болотина в одном месте, с топями.

Навык Сашки в охоте и умении ходить по следу я перенял, причём, судя по довольному виду отца, перенял полностью. Мы не раз загоны устраивали на разную дичь, кабанов или лосей. Я больше загонщиком был. Когда важные люди на охоту к отцу приезжали, он там старшим был, я особо старался на глаза не лезть. Моя добыча в основном была из мелкой дичи – зайцы, лисы, волка пару раз брал, да только повывели их в окрестностях. Кабан уже редкость, всего раз и было, да и крупная пока не для Сашки. Тупо не дотащить до дому, тяжело. К тому же лесники мы больше, а не охотники, чтобы постоянно с дичью возвращаться. Раненое животное добить, из капкана браконьера достать – это да, а чтобы чисто охотиться, то не всегда получалось. Кстати, зайца, что я сегодня взял, как раз из капкана браконьера достал. Капкан же, замаскировав, установил как ловушку, где следы браконьера проходили, чтобы он сам напоролся. Отец такие мои методы не одобрял, более того, ещё и запрещал их, но я всегда действовал по-своему. Капкан мелкий, вряд ли повредит ногу, но намёк лиходею будет ясный.

Вот так я ходил по лесу, сначала на лыжах, потом, когда снег сошёл, уже в крепких сапогах. Кстати, пора менять, уже тесными становились. Не расходишься. Я сейчас в таком возрасте, что рост скачет только так.

По первому Дару, данному Сашке природой, вроде всё, теперь о втором. Музыкальный слух. Я сам в принципе музыку люблю, тем более жена была профессиональная певица, но тут мой уровень вообще подскочил. У Сашки была гитара, подарок отца на одиннадцатилетие, но она сгорела в доме вместе со всем имуществом. Повезло, что крики соседей всё семейство тогда на ноги подняли, и они успели выскочить уже из горевшего дома, кашляя от дыма. Причём в основном в чём мать родила. Так-то семейство у нас, похоже, крепкое было, не сказать, что зажиточное, но крепкое. Ничего из имущества практически спасти не удалось. Сашка вытащил из дома лишь ящик с оружием и патронами. Пока отец выводил из конюшни служебных лошадей и телегу.

В дом деда пришлось вселяться в уже студёные дождливые дни осени. Одеждой и едой помогали другие соседи. Повезло, что при пожаре обошлось без жертв, ожоги у многих были, но никто не погиб. Некоторые семейства-погорельцы покинули деревню, по родственникам разъехались. А сейчас уже от дороги видно шесть новых срубов, стоящих на опорных быках, среди них и наш дом. Отец с охоткой рубил нам новую избу. Я в этом тоже участвовал. У соседей уже под крышу начали подводить, но отец не спешил, и правильно делал. Печник работал внутри и поднимал две печи, кухонную и отопительную. Когда трубы поднимет до нужного уровня, тогда и крышу будем заводить. В этот раз отец твёрдо решил: железную крышу делать, не соломенную, как раньше. Даже с кем-то насчёт кровельного железа смог договориться. Обменом, живых денег в деревне почти не видели. А на обмен было что, отец ведь и бортничеством занимался.

Хорошо, во время пожара погреб и ледник уцелели, было чем прокормиться в студёную зиму. Да и живность дворовая уцелела. Включая собак. А у отца их было пять. Один дворовый пёс, Шарик, в будке на привязи жил, и четыре охотничьи лайки.

Три сейчас с отцом ушли, его второй день нет, а вот одна, молодая сучка, была со мной. Белкой звали. Я сижу и ем, а её нет, непорядок. Уже должна объявиться. Может, что интересное нашла? Действительно нашла, выскочила из-за деревьев и по только-только проклюнувшейся травке рванула ко мне с добычей в пасти. Птичку умудрилась отловить. Так что на мою еду псина не претендовала, улеглась неподалёку и тоже захрустела, изредка отфыркиваясь от перьев.

Так, что-то я отвлёкся. У Сашки, действительно, был второй Дар. Гитара сгорела, но мне уже все уши протрещали, какой тот самоучка, как он хорошо, даже великолепно сам научился

играть на гитаре, даже ноты разбирает. Проверить было сложно, несмотря на одарённую жену, сам я в музыке разбирался... скажем так, где попса и где рок, понять смогу, любил, кстати, последний, в остальном всё сложно. А тут Татьяна принесла вдруг гитару. Одолжила у одно-классницы, а та – у брата. На три дня. Я попробовал, так, с большим сомнением, и понял: всё, пропал. Теперь я понимал жену, что это такое. Знаете, как было тяжело отдавать гитару через три дня, но пришлось. Отец тоже не чужд музыки, особенно когда струны не звенели, а пели. Играл я по памяти, причём музыку из своего родного мира, собирая огромное количество слушателей. Необычная для тех она была, заводная. Даже исполнил несколько композиций жены, Екатерины Даниловой, если кто не слышал, Интернет – наше всё. Странно даже, не думал, что по памяти смогу всё исполнить, а ведь смог, и легко. Вот такой был дар у Сашки. Гитару отец реально сейчас не мог позволить, такие траты, мы дом строили, так что это моё дело, сам добуду.

Вживался я в новую роль не сказать что со скрипом, но реально было тяжело, столько экзаменаторов вокруг, пристально следящих за мной, особенно из младших родичей, донося родителям о любом моём странном поведении. Ну да ладно, вжился, благо амнезия помогала сгладить многие углы, да и отец был доволен, главные умения остались, а остальное нарастёт. На ноги встал и быстро пришёл в норму. Для него я мало изменился. Вот мне роль Сашки была не сказать что по нраву, тем более на будущее были огромные планы.

Как я уже говорил, сообщать кому-либо о себе я не хотел категорически, прекрасно понимая, чем это может закончиться, а свободу, даже такую иллюзорную, терять не хотел. И начал по-новому ставить себя. Это было не просто, но постепенно мнение родных и окружающих о себе менял. Всё же я был руководителем, именно руководителем, не только работягой, иначе не поднялся бы, так что по-тихому, не торопя коней, я стал создавать мнение у родни, что не последний человек в семье. Причём достиг довольно заметных успехов, если даже отец со мной советуется относительно постройки дома. Кое-что я знал и действительно давал дельные советы. Так что уважением стал пользоваться даже большим, чем Сашка до меня. Поверьте, это немаловажно для моих планов.

То, что Таня поедет учиться, да не куда-нибудь, а в Ленинград, на семейном совете было решено ещё год назад. Отец, кстати, тоже в Ленинграде учился. Сестра в принципе была не против, хотя сама мне призналась – любила мне поплакаться в жилетку, – что мечтает стать детским врачом, но раз отец сказал в лесохозяйственный техникум, значит, туда и пойдёт. Однако пожар изменил и эти планы: средств, чтобы отправить дочь учиться, у родителей попросту не стало. Именно это и оплакивала Таня: она и учиться хотела, и город посмотреть. Вот тут я и сказал решающее слово, собрав семейный совет: нужно отправлять Таню учиться. Сейчас или никогда, позже будет поздно. Аргументов выложил много. Дед с бабкой были только за. Готовы всё отдать, лишь бы вывести старшую внучку в люди. Отец же с матерью сомневались. Была причина. У матери всего одно выходное платье было, да ещё то, в чём она по дому ходила и на работу, остальное забрал пожар. У Тани вообще одно платье, в школу в нём ходила. Экзамены чтобы сдать, платье матери брала. Так что бедны мы были как церковные мыши. Ну не совсем прямо так, но близко. Всё уходило на постройку дома, а его, кровь из носу, нужно построить до осени. Вон, доски ждём для пола и потолка. Для стропил уже есть. И ведь не скажешь им, что бессмысленно это: не будем мы в нём жить, костями лягу, а не будем, однако тайну я хранил при себе. В моих планах летом покинуть эти края, причём со всей семьёй и навсегда, но после начала войны. А вот перебраться я планировал в Москву, сложная и долгая дорога предстоит. Однако сначала нужно ко всему этому подготовиться. Этим я и занимался. А пока строились.

Всё же я смог убедить и родителей. Более того, даже уверил, что лично сопровожу Таню до Ленинграда и помогу ей устроиться не только в техникум, но и на такую работу, чтобы было время на учёбу. Стипендию, конечно, никто не отменял, но помогать мы ей фактически не будем, так что на пропитание Таня должна заработать сама, та была согласна даже с этим.

Девчонка действительно была боевая, работающая, острая на язык, отличница и аккуратистка. В общем, устрою её и, убедившись, что она освоилась, вернусь обратно. К моменту совета я уже имел некоторый авторитет, все знали, что слов на ветер не бросаю, да и вообще вёл себя серьёзно, поэтому почти неделю шли разговоры, пока отец не дал добро. Ещё убедило их то, что денег нам нужно по минимуму, крохи. Только на дорогу. Дальше Таня, устроившись на работу, начнёт кормить себя сама. Вот еды нам планировали дать побольше. И завтра мы покидаем нашу деревеньку и отправляемся в путь. Отец на телеге добросит нас до райцентра, там посадит на поезд, и дальше двинем в плацкартном вагоне до Ленинграда. В Сланцах, куда мы ходили в школу, была железная дорога, в основном там проходили товарные и грузовые составы, но раз в сутки проходил поезд на Ленинград и обратно. Посёлок был новым, отстроенным не так давно, с десятков лет назад, у месторождения горючего сланца.

Версия с Ленинградом и техникумом – для родителей. Мы же поедem в Москву. Я понимаю, что денег нет, но эту проблему я решу, это как раз в моей компетенции. Так что Москва, медицинский институт, надежда, что Таня переживёт эту войну и станет дипломированным специалистом. А уж родителям я по возвращении объясню, что так надо, найду нужные слова. Не думаю, что мама будет возражать, она как раз одобрит, врач в семье – это хорошо, хотя отец расстроится. Смену себе растил. Кстати, если он думает, что я пойду по его стопам, то зря, я выбрал себе ту же профессию. Не наскоком, после долгих раздумий я тоже решил стать врачом, у меня ведь снова всё будущее впереди, можно выбирать, принимая взвешенное решение. В прошлую свою молодость о будущем я как-то не задумывался, а сейчас ещё как подумал! Взрослый мужик в теле пацана, да и повадки это выдавали, дед не раз задумчиво поглядывал на меня. А так нужная и необходимая профессия. Так что пусть на других надеется, детей у него много, а я пас.

Причина отправиться в Москву – думаю, Танюша возражать не будет, да что не будет, уверен, она и пешком туда согласится идти, лишь бы мечту осуществить – была не только в ней. У меня были свои обстоятельства посетить Златоглавую. Сообщать о себе я не хотел, но вот гложило в груди, томила не то чтобы тоска, но что-то вроде неопределённости. Ну не могу я вот так прикусить язык и молчать. Нужно дать информацию, нужно, но так, чтобы на меня не вышли. Нельзя допустить катастроф с фронтами, блокадой Ленинграда и остальными бедствиями, нельзя. Так что у меня один выход: написать письмо и отправить его не Сталину, а Берии, и если оно до него дойдёт и он поверит в написанное и проверит, то сам решит, передавать его дальше или нет. Правда, как только поймёт, что информация верна, искать меня будут по-серьёзному, но надеюсь, всё же не найдут.

Страхнув крошки с брюк, я поправил котомку и, встав, подхватив прислонённую к стволу винтовку, направился к дороге, что вела к нашей деревне. Тут до неё близко. Выйду недалеко от места боя, где был ранен, а скорее всего, убит Сашка, – я занял опустевшее место, в этом я уже уверен. Естественно, я тщательно осмотрел место боя, когда более-менее встал на ноги. Меня сюда Димка, братишка, сопровождал. Теперь стало понятно, почему были ранены участковый и Сашка. Не самое удобное место попало. Бой вёлся со стрельбой практически в упор. В этом месте дорога спускалась в небольшую балку, там сейчас огромная лужа, и выныривала из-за густых кустов, голых из-за зимы. Так что встреча бандитов с участковым была неожиданной для обеих сторон. Так и разгорелся бой. Как объяснил Пахомыч, он пропустил бы их, не сообразив, что это банда, но те первыми стрелять начали. И он достал из кармана полушубка свой ТТ и разрядил магазин. Снег – укрытие плохое, так что получал ранение за ранением, когда подоспел Сашка, и бандиты, решив, что с участковым покончено, переключились на него. Деревья тут заросли густым кустарником, так что, чтобы тщательно и прицельно бить, нужно было выйти на опушку, что свело преимущество винтовки по дальнотойности на нет, и та была почти на равных с револьверами. Бандиты действительно частили, а Сашка стрелял редко и точно. Если бы не берёза, за которой он укрывался – я специально осмотрел её ствол,

с десятков пуль засело, – кончили бы пацана, без вариантов. А тот, может, охотник и хороший, но не боец, совсем не боец. Ничего в тактике не понимает. Я пока на месте крутился, с пяток подходящих мест для обороны обнаружил. Кстати, пули я выковырял, отцу на дробь.

Выйдя на дорогу, я обернулся и посмотрел в ту сторону, где за поворотом было место боя, в котором мне в действительности поучаствовать не пришлось, хотя все лавры победителя достались именно мне. А как же, помимо благодарностей от начальника районной милиции мне торжественно была вручена грамота юного помощника милиции и дарственный подарок. Хотелось бы часы, но нет, это был посеребрённый милицейский свисток. Ничего, часы я себе тоже добуду. Редкость в это время они, даже у отца их не было, а вот у участкового были. На дороге я обнаружил знакомую фигуру в длинной тёмно-синей шинели с рядом пуговиц, перетянутой портупеей. Участковый наш оклемался и уже вернулся к службе. Это он, стараясь не забрызгаться и обходя лужи, шагал в сторону деревни. Так что я остановился, вместе дойдём. Белка, сев рядом, прижалась к ноге, и я стал поглаживать ей макушку, отчего псина млела.

Когда участковый подошёл к моему сухому островку, сбивая грязь с сапог, протянул руку, здороваясь. Рукопожатие у него было уверенное и крепкое.

– Смотрю, удачно сходил? – кивнул он на глухаря и на зайца.

– Да, глухаря сам снял, зайца из капкана браконьера достал. Завтра мы с Таней уезжаем в Ленинград, мама решила курицу зарезать, нам в дорогу сварить, но я решил в лес за дичью сходить, так что спас несущку. Повезло, вспорхнул с ветки, снял его на лету, а то пришлось бы на верхушку за добычей лезть, а так сам к ногам упал, Белка принесла.

Молодая псина, услышав своё имя, посмотрела на меня. А мы, общаясь, неторопливо пошли к деревне. Сразу привлекали к себе внимание свежие срубы, на всех велись работы, и до нас доносился перестук топоров. Дом участкового от пожара не пострадал, но он приютил одну из семей на зиму, так что у них тоже было тесно. Сейчас-то полегче, я вон сам перебрался на сеновал, сплю там, закутавшись в толстое одеяло, ночами-то холодало. Да ещё Димка, что хвостиком направился следом за мной, подогревал с одной стороны. А так нормально, свежий воздух, здоровая пища, что ещё нужно организму? Так что тренировки свои я не забросил, и мешок, висевший у нужника, околачивал, и пробежки совершал, совершенствовался, так сказать, физически. Однако и ножом учился работать. Кстати, участковый в этом деле оказался искусным мастером, даже не ожидал, и, заметив мои тренировки, подумал и взял всё в свои руки. Так что за три месяца он мне поставил удары, ну и дал основы. Дальше уже учился я сам, уходя в лес. Тренировал кисти обеих рук и доводил удары до автоматизма. Теперь я мог и защищаться от ножа и выходить с ним против противника, даже нескольких, если только те одного со мной возраста. Со взрослыми тоже можно, но сложнее. Отличный учитель оказался участковый.

А вот с самодельным боксёрским мешком сразу не задалось: начал было учиться наносить удары и сразу заметил снижение точности при стрельбе. В общем, не желая повредить руки и пальцы, бросил это дело и перешёл к захватам и разным броскам, вроде как через бедро. То есть драться учился. Тот же участковый ещё и самбистом оказался, но недоученным, но в драку мне лезть противопоказано, руки могу повредить, чего я не хотел категорически. Так что тут или нож, или винтовка, в обоих случаях у противника никаких шансов. А нож теперь я всегда ношу с собой, даже в школу с ним ходил.

По школе и учёбе скажу так: я в принципе помнил многое из школьной программы своей ещё той жизни, так что, почитав учебники и конспекты, а мы с Мариной сидели за одной партой, смог вернуться в учебную струю. Более того, даже улучшил показатели, Сашка при всех своих плюсах был троечником, а я вышел в отличники.

Экзамены должны быть позже, но я поговорил с директором, ну и, конечно, с сестрой, и та сдала экзамены экстерном, благо сестрица у меня была подготовлена хорошо и училась на «отлично». Я не хотел менять все планы из-за того, что экзамены в школе и последний зво-

нок произойдёт как раз в канун войны. Из-за этого и мы с Мариной сдали экзамены раньше. Сложнее было не договориться с директрисой, а чтобы родители об этом сразу не узнали, а когда узнали, было поздно. Вот так Танька вчера получила аттестат, и мы решили не откладывать наш отъезд в Ленинград. Наши документы с Мариной о школьных оценках за этот год мы получим после моего возвращения. А с Таней мы надеялись успеть к началу работы приёмной комиссии в нужный вуз.

У дома деда мы с участковым расстались, тот направился к себе, а я, открыв калитку и запуская Белку во двор, вошёл на наше подворье. Передав глухаря бабушке, которая сразу потащила его разделывать, прошёл к покосившемуся амбару. Зайца повесил на натянутую верёвку, бабушка им чуть позже займётся. Строения у деда были старыми. Отец ранее планировал снести здесь на подворье всё и отстроить ещё один дом – или Танюше к свадьбе, или уже мне, однако повезло, разобрать ничего не успели и нам было где пережить эту зиму. Во время пожара Сашка вытащил из дома крепкий ящик, оббитый жестью, оружейный. Выбор был тяжёл у парня, и я его понимал. В одной руке ящик волоком тащил, в другой не менее серьёзное богатство – сапоги, которые сейчас на мне. Гитара со всем остальным сгорела. Одежда, что сейчас на мне, это уже или помощь соседей, или родители в райцентре приобрели.

Я подошёл к оружейному ящику, отпер его, достал средства для чистки, занялся винтовкой. Не выглядывая из амбара, через открытую дверцу спросил у бабушки:

– Бабуль, а что, отец уже вернулся? Его двустволка на месте.

– В обед ещё пришёл. Сейчас на стройке, рубит. С топором ушёл и с Егором, помощником своим.

– Понятно.

То, что отец вернулся, было заметно и по лайкам во дворе, Белка сразу к ним рванула. Закончив с чисткой, я узнал, как дела по дому, и пошёл на стройку. Отец обрадовался моему приходу и, вытирая пот со лба, спросил:

– Как сходил?

Рассказав о следах у кормушки, добавил, что достал живого зайца из капкана, но главное – взял глухаря, причём на лету.

– Один патрон потратил?

Вопрос был в тему, патроны отец получал бесплатно по своей линии охотоводства. Но мало, так что приходилось их экономить. А вот гильзы я всегда собирал и убирал в коробку. Отец их сдавал.

– Да, один. Зайца ножом добил.

– Заяц – это хорошо. Поделится с соседями, а то давно они мясным не питались. Понемногу, но всем на похлёбку хватит. Домашнюю живность сейчас все берегут.

– Танька где? – спросил я.

– Как утром ушла в Сланцы, так и не возвращалась. До вечера не жди, с подружками прощается. Когда ещё увидятся!

– Если вообще увидятся, – пробормотал я себе под нос.

– Что? – не расслышал отец.

– Да так, я о своём. Есть чем помочь?

– Да, давай кирпичи поднимать будем, печник, дядя Фёдор, будет трубу отопительной печки выводить, печь-то почти готова. Второй завтра займётся.

Отец спускал вниз на верёвке что-то вроде мешка, я укладывал туда кирпичи, штук по четыре-пять, и он поднимал их наверх. И печник начал поднимать трубу. Отец надеялся за пару дней закончить, и можно крышу подводить. Это уже без меня – нас с Таней ждёт дальняя дорога и далёкая столица. Но об этом пока никто не знал.

Сегодня рано утром отец отвёз нас на повозке в райцентр, в Сланцы, и посадил на поезд. И вот ближе к полудню состав прибыл в Ленинград. Как только поезд, скрипя тормозами, встал у перрона, я протиснулся мимо проводницы и вышел наружу. Тут же развернулся, взял два наспинных мешка из рук сестрички и, положив их у ног, подал ей руку. Мы вышли из здания вокзала, где я не без интереса осмотрелся. Причём и Танюху осмотрел, сравнивая с другими девицами. Сестра у меня фигуристая, это бросалось в глаза, красивая, курносая, с чёрными вьющимися волосами. Мы были похожи, сразу понятно – брат и сестра.

На улице я достал из мешка свою слегка лысоватую щётку и стал счищать с себя пыль и грязь. Это один мужик, ещё протискиваясь по коридору вагона, хорошо так прошёлся по моей куртке мешком, что нёс на плече. Проблема была в том, что мешок был испачкан во влажной глине, а её не так просто удалить.

– Стирать надо, – пробормотала Таня, помогая мне.

В это время к нам подошёл тот самый мужик и, приложив руку к сердцу, искренне сказал:

– Ещё раз извините, даже не знаю, как так получилось.

– Да ладно, бывает, – успокоил я его. – Вы только скажите, чего вы такое несли влажное и грязное?

– Саженцы. Персиковые саженцы.

– На север персиковые саженцы? Да вы авантюрист, – усмехнулся я.

– У меня брат селекционер, вот и привёз ему. Уже отдал. Он меня ждёт, так что пойду.

Ещё раз извините.

Мужик ушёл, а я осмотрел куртку и вздохнул. Её мне подарили родители месяц назад на наше с Мариной двенадцатилетие, и она у меня одна, в ней я и в школу ходил, и по лесу, охотясь, так ещё за два дня до нашего путешествия мама её постирала. А дед с бабкой кепку презентовали, без головного убора тут не ходили. Стиль деревенский был такой. Кепка тоже при мне, уже как-то свyksя с ней.

– Да не вертись ты, – сердито сказала Таня.

Поглядывая по сторонам, я рассматривал машины. Хм, машину в этой жизни третий раз я увидел, как раз когда мы к райцентру ехали, нас полуторка обогнала. Ещё одна была в лес-промхозе, но она там редко бывала, постоянно в разъездах. Ещё один раз приезжал развозной фургон, передвижная лавка на базе ЗИСа, шофёры его ещё ласково называли «Захаром». А тут машин хватало.

Заметив, как нас с интересом рассматривает девушка лет пятнадцати, что проходила мимо вокзала в компании подружек, от которой доносился смех, я прикинул, как выгляжу со стороны. М-да, по одежде мы с сестрой – явная деревня, та это тоже видит и заметно смущается, однако ничего, решим и этот вопрос. А так внешне я смотрелся вполне неплохо. Раньше, ещё в той жизни, я был, скажем так, без особой скромности брутальным мужчиной: невысокий брюнет с постоянной щетиной. Стиль такой. В некотором роде живчик, душа компаний, большой любитель организовывать разные вечеринки, свадьбы и дни рождения, ну и поучаствовать конечно же. Вон как наше с Мариной день рождения справили, до сих пор поминают. Причём с немалой надеждой, что на этом я не остановлюсь. Впечатлил.

Сейчас же у меня было тело мальчишки, сухое и жилистое, я бы даже сказал, тренированное, и не погрешу против истины. Похоже, вырасту я в высокого парня, ведь отец под метр восемьдесят, и дед, а телосложения у нас схожи. А так я снова стал брюнетом, курносый, Таня и Марина говорят – даже красивый. Отрицать не буду – симпатичный. Так что привлекал внимание одноклассниц.

– Всё, что ли? – с нетерпением поинтересовался я.

Таня критично осмотрела меня со всех сторон и кивнула.

– Пятна я не все убрала, тут только стирка поможет, но хоть так, – возвращая мне щётку, ответила она и тут же живо спросила: – Ну что, идём узнавать, какой трамвай идёт до техникума?

– Идём, только не на трамвай, а на другой железнодорожный вокзал. На тот, откуда поезда в Москву идут. Мы едем в Москву, – спокойно ответил я, убирая щётку. – Будешь на врача учиться.

Нужно дать Тане осмыслить эту новость, она ещё ничего не знала, так что если уж шокировать, так сразу. Вот только дополнительного времени ей не потребовалось. Взвизгнув, сестра повисла у меня на шее. С учётом того, что она была выше, получилось у неё это немного комично, но девушка радовалась искренне, и я радовался тоже, что не обманулся в своих ожиданиях.

– Ты сначала сдай документы в приёмную комиссию, потом, главное, сдай экзамены, чтобы тебя приняли, а потом и спасибо говори.

– Ты же знаешь, мне совсем немного не хватило, чтобы стать лучшей ученицей.

– Да, голова у тебя светлая. Но учёба в селе и учёба в городе – разные вещи, придётся тебе поднапрячься.

Сестра была очень возбуждена перспективами, поэтому болтала не умолкая. Тут нам попалась девушка в красивом платье, сестричка посмотрела на неё, сравнила со своим маминим выходным платьем и взгрустнула.

– Ничего, и эту проблему решим, – успокоил я её.

Я спросил прохожих, как добраться до Московского вокзала. Там мы сразу прошли к кассам. Оказалось, московский поезд уже ушёл, следующий по расписанию будет завтра. Подсчитав выданные финансы, я понял, что на два билета до Москвы нам не хватит даже на плацкарт.

– Идём, – позвал я сестру и стал командовать: – Посидишь в буфете, вещи наши постожишь, а я пробежусь вокруг, осмотрюсь, заскочу на ближайший рынок и заодно с ночёвкой вопрос решу.

Я покинул здание вокзала. Добравшись до рынка, я сперва покрутился по рядам, а потом ушёл чуть в сторону и, достав из кармана семечек, бабушка жарила, стал щёлкать ими, наблюдая за местной жизнью. Идея у меня была проста: отобрать нажитое непосильным трудом у ударников кошелька и ножа. Точнее, у щипачей, карманных воров. Грабить простых обывателей я не хотел, но, если прижмёт, пойду на это, на мне вся семья и Танюша висит, хотя не скажу, что мне это по нраву. Даже совсем не по нраву. А вот воров и подобных им вовсе не жалко. Вот уж кто жаловаться не побежит, идеальные кандидаты в невольные спонсоры.

Или мне не везло, или я не видел карманников на рынке. Тишина и покой, если можно так сказать о рынке. Хотя работы им тут – непаханое поле. А возможно, и действительно не было, это же не крупный рынок, всё на виду, вычислить быстро смогут. Хотя нет, я обратил внимание, что покупатели, расплатившись и убрав кошель, нет-нет да проверяют, на месте ли тот. Это рефлекс. Значит, воруют здесь. Вот только, похоже, у карманников был выходной. Не видел я их, и всё тут. Хм, передо мной была только часть рынка. Не сменить ли место наблюдения, а то так, сидя на одном месте, я слишком привлекаю внимание. Сказано – сделано. Перебравшись на новое место, лузгая семечки, я продолжил наблюдать. Ещё дважды менял место, пока не услышал крик:

– Держи вора!

Сразу возникло какое-то движение. Воришка, мелкий пацанёнок в рваной одежде на голое тело, удирал со всех ног. Причём это не шалопай, что стянул прошлогоднее яблоко с прилавка. Нет, его сопровождало ещё несколько парней постарше, двигаясь по сторонам. Это группа. И когда мелочь на бегу избавился от улики, незаметно передав кошелёк напарнику, продолжая бежать, босые ноги так и мелькали, я довольно улыбнулся. Дождался.

Проследив, как кошель, пройдя несколько рук, оказался под пиджаком неприметного парня лет двадцати, я двинул за ним, при этом и сам проверялся, мало ли кто приметил меня и так же следует за мной. Вроде чисто. Да и парень шёл один, все напарники разбежались. Уверен, встретятся дальше, в своём месте. И этого допустить нельзя. Вот только места, чтобы незаметно его перехватить, обыскать и забрать добычу, я не находил, тот постоянно у людей на виду. Но тут, к моему удивлению, он свернул в один из парков и направился по тропинке через него, явно срезая путь. Я стороной обогнал его, мало ли кто из леса наблюдает, не следует ли кто за курьером. Оказалось, никто не наблюдал. По пути я подобрал большой круглый камень, так что, когда тот прошёл мимо меня, вышел из-за дерева, за которым укрывался, и метнул в него. Попал точно в затылок. Парень без звука рухнул. Только шум падения. Вокруг никого, прохожие мелькали на других тропках – повезло.

Подскочив к парню и поглядывая по сторонам, чтобы не застали на месте, скажем так, преступления, я быстро обыскал его, заодно проверив пульс. Был, хоть и слабый. Похоже, качественно я приложил его, хотя крови на затылке не было. Камень, кстати, откинул подальше за деревья, улика всё же. Обыск мне дал отличную, явно серебряную зажигалку, наручные часы, едва початую пачку папирос «Беломор», которую тоже забрал, сам не курю, но мало ли, пригодится – и собеседника угостить для налаживания разговора, или посыпать табаком след, если от собак придётся уходить. Также в карманах были железная мелочь и рубли банкнотами, не много, всего двадцать. Это, похоже, личные средства вора. Всё это я забрал. Дальше уже с кошельками. Их оказалось два, если и было больше, то, видимо, успел от них избавиться. Но оба были полны, наверное, всю добычу сюда складывал. Хорошо, похоже, они кого-то разделили из богатеньких.

Пересчитывать потом буду, оба кошелька убрал за пояс под куртку. Ножа, даже перочинного, у того не было, что удивило. Не то чтобы мне нож нужен, у самого на руке под мышкой спрятан отличный охотничий нож, просто ради интереса. Лёгкая финка мне тоже пригодилась бы. Последняя надежда найти колюще-режущее – это голенища сапог. Стал ощупывать – и есть, но не нож, а серебряные часы на цепочке. Те, что на животе носят, в форме луковицы. Не поленился и содрал сапоги, это было не трудно, на два размера больше те были. Под подкладкой обнаружилось по три золотые монеты. Вот это, похоже, личный запас воришки. Были ещё документы на парня, он, кстати, не местный, гастролёр, но их я не тронул, а всё стальное забрал.

Парк я покинул так же, не по тропинке, и вернулся к рынку. Он уже сворачивался, вечерело, быстро нашёл бабку, сдававшую комнату, договорился с ней и направился на вокзал за Таней. Уже заметно паникующая моей пропажей сестра обрадовалась моему появлению, и на меня тут же посыпались жалобы и обвинения, что бросил её тут одну. Пришлось посидеть за столиком, пока она бегала в туалет. Ну да, обещал, что часа три не будет, а почти пять прошло. Да у меня и надежда, что всё выгорит, была откровенно слабой, а тут всё сработало, что не могло не радовать. Подсчёты потом, но, похоже, на обустройство в Москве, включая покупку нового гардероба Татьяне, хватит, да и мне на обратную дорогу тоже. Посмотрим, может, и на гитару останется.

Когда сестричка вернулась, то после моего инструктажа подошла к окошку кассы и, отстояв очередь в два человека, приобрела билеты на московский поезд. Сестрицу очень удивило, что у меня нашлись деньги на билеты, какие у меня финансы, выданные отцом, она знала. Однако с вопросами пока не лезла, видимо оставив это на потом.

Подхватив мешки, мы дошли до рынка. Там бабка уже собирала товар, и мы пошли к её домику. Поселила она нас на веранде, пара топчанов там стояла, выдала лоскутные одеяла. Мы поели остатками того, что мама дала на дорогу. Когда Таня умывалась у колодца на огороде участка, я, достав из-за пояса кошельки, быстро пересчитав наличку, убрал её в свой мешок, скрутив в валик, а кошельки, когда Таня вернулась, вынес в огород и закопал под вишней. Мне

лишние улики ни к чему. Часы также убрал в мешок, пока Таню не будем настораживать, откуда у меня всё это взялось. Всё потом, в Москве.

Перед сном, когда мы лежали на топчанах, Таня всё же не удержалась и начала задавать мне вопросы. Мол, почему именно в Москве учиться, хотя и тут можно, и откуда деньги. Про Москву сказал так: столица и есть столица, пусть там осваивается и живёт дальше. Возвращаться не нужно, будет в будущем москвичкой, столичной жительницей. Ну а то, что деньги появились – смог кое-что продать из своей добычи в лесу, до Москвы хватит, как и на обустройство. Таня отметила то, что деньги на билеты до Москвы я дал ей не сразу, на что я пояснил, что как раз продавал часть добычи и средства теперь есть, успокоив её.

Утром мы попрощались с бабушкой и поехали на вокзал. Купили по дороге буханку хлеба, остальное всё своё – большой шмат сала, лук, чеснок, солёные огурцы. Погрузка в вагон, когда подошёл поезд, прошла нормально, наши места – нижняя полка Тане, а я сверху над ней. Я сразу забрался на свою, подложил свой мешок под голову, а Таня стала общаться с молодой семьёй из Ленинграда, которые ехали к друзьям в Москву. С ними был полуторагодовалый малыш. Всё хорошо, но с ребёнком путешествовать – это не то. Ребёнок не как моя младшая сестричка, он орал и ревел постоянно, отчего к нам даже соседи с других мест заглядывали и просили успокоить. Родители уверяли всех, что такое с ним только в поезде.

Ленинградский вокзал Москвы встретил нас суетой спешащих людей.

– Осторожно, – придержал я за руку заметно возбуждённую прибытием сестру, та чуть не попала под багажную тележку, которую толкал носильщик. – Идём за мной.

– Ты так уверенно идёшь, будто всё знаешь, – не могла не поделиться своим наблюдением Таня, торопливо шагая следом, стараясь успеть за моим широким шагом и рассматривая всё вокруг с деревенским любопытством.

Шла она налегке, оба наших заспанных мешка нёс я. Кстати, поменять их надо, слишком много внимания ими привлекаем. Сидоры у пассажиров есть, а вот такие деревенские мешки, как у нас, если и есть, то очень мало. Я всего одного паренька с ним увидел. Тот даже обрадовался, что он не один такой.

Насчёт её замечания – что ж, она права, сам я тамбовский, но до момента попадания в это тело жил именно в Москве. И без красного словца скажу, что знаю её хорошо. Но это ту, будущую Москву, а вот эта мне незнакома, но это не значит, что я буду теряться. Так что энергичным шагом мы покинули здание вокзала и, догнав переполненный трамвай, отходивший от остановки, повисли на приступке в задних дверях. Сестра зеркально повторяла все мои действия, как я велел, так что не потерялась и, улыбаясь, держалась рядом. Но оказалось, трамвай нам был не по пути. Соскочив на следующей остановке и спросив ожидающих, выяснили, какой номер нам нужен и где выходить.

– Смотри, мороженое, – показала сестрёнка жалобными глазами на привезённый прицеп с мороженым. Его как раз устанавливали у края тротуара.

– Пошли, пока очередь не набежала, – кивнул я.

Как мы ни торопились, но в очереди оказались аж пятыми. Ничего, отстояли и с некоторой жадностью и немалым наслаждением поели холодного лакомства.

Тут и трамвай наш показался, так что мы вернулись к остановке, ополоснув руки из армейской фляжки. Отец дал с возвратом. Немного удивительно, но та была стеклянной с деревянной пробкой, как я узнал, обычное дело в армии.

Добравшись до нужной остановки, мы сошли, и я указал сестрице на здание, которое находилось с другой стороны улицы:

– Вот мы и приехали. Разреши представить тебе Второй Московский государственный медицинский институт. Если всё получится, учиться будешь в нём. Теперь вон лавка, посиди да за вещами присмотри, а я пойду узнаю, как работает приёмная комиссия.

Оставив сестрёнку на лавке, я подошёл к входу в здание института. Жизнь там была ключом. Обернулся и, убедившись, что Танюша на месте, прошёл внутрь. Проскользнуть мимо вахтёра удалось без труда. Так же без труда отловил симпатичную студентку и всё, что нужно, узнал от неё. Приёмная комиссия работала последний день. И я заторопился обратно к сестричке. Правда, будет ещё один набор, в конце лета, но, как вы понимаете, ждать его нам не с руки. Да и набор будет, если не наберётся за этот студентов в нужном количестве, в чём я лично сомневаюсь. Конкурс сюда не хилый.

Добежав до скамейки, заторопил её:

– Бери все документы и бегом за мной.

Один мешок за спину, второй в руки – и вперёд, показывать дорогу к нужной аудитории. Таня написала анкету и сдала документы. А поступление для молодёжи из провинции без паспорта – обычное дело. Вместо него пока подошёл комсомольский билет, но это как временная мера. Сотрудники в приёмной комиссии прекрасно знали, что многие, кто приезжал из деревень, не имели подобных документов, их очень неохотно выдавали на руки. Ещё бы, выдашь, так колхозники быстро по городам разбегутся. Такое скрытое рабовладение. Это моё личное мнение. Причём достаточно ужесточённое рабовладение. Ладно бы деньги платили, а то какие-то трудодни. Жили люди в деревнях только за счёт личных хозяйств. Выживали. Нам-то полегче было, однако продуктового налога тоже никто не отменял, сдавали мясо и яйца. Не без этого.

Я как на иголках просидел на скамейке у дверей в аудиторию, пока Танюша общалась с членами приёмной комиссии, а когда она вышла с широкой улыбкой, то сказала, что её школьные оценки произвели благоприятное впечатление, ну и описала, что есть проблема с паспортом. В комиссии ей также сообщили, что общежитие переполнено поступающими, так что я пошёл искать временное жильё.

Проблем со снятием комнаты не было. Я поспрошал людей, прошёл в ближайшие дворы рядом с институтом, вот там бабули и предложили мне нормальное жильё с отдельной комнатой. Оказалось, что хозяйева квартиры на днях уехали в экспедицию, геологами были, и их домработница таким образом и подрабатывала. Кстати, сами хозяйева не возражали. Уплатил я за неделю вперёд, сказав, что пока не знаю, может, и задержусь. Сообщил, сколько человек будет проживать, ну и оплатил завтраки и ужины, вряд ли мы будем на квартире во время обеда. Старушка-домработница повздыхала, пожелала сестре удачи, так что, осмотрев комнату с двумя кроватями – это была комната домработницы, сама она в хозяйской ночевала, – оставил вещи и поспешил уйти, нужно решать дальнейшие дела.

Что где находилось, я у домработницы спросил, так что до здания отделения милиции добрался быстро. Паспортный стол был уже закрыт, вечер, но дежурный достаточно подробно мне объяснил, что делать. Если сестра поступит, ей дадут временную регистрацию в общежитии, под это дело можно получить и паспорт. Так что завтра с сестрой обязательно сюда. Нужно только справку взять из деканата, что она поступает.

Когда я добежал до улицы, где находился институт, сестра сидела на лавочке. Подойдя, сел рядом.

– Узнала, когда какие экзамены будут?

– Да, вот, записала, – протянула она мне листочек бумаги.

– Надо блокнот с карандашом купить, – рассеянно пробормотал я, изучая, что было написано на листке округлым аккуратным девичьим почерком. – Завтра у тебя весь день занят. Плотно, я смотрю, загрузили. Ладно, без тебя справлюсь.

– Ты комнату снял? Мешков, вижу, нет.

– Снял. Тут недалеко, пару шагов дворами, – ответил я, вставая, и мы направились к нужному дому. – Тебе нужно отдохнуть. Сейчас придём, так что сразу под душ, потом поужинаем и спать. У меня завтра тоже дел много нужно решить.

– Что за дела? – деловито поинтересовалась сестра.

Рассказав её о том, как можно получить паспорт, я также пояснил, что пройду в районную больницу, узнаю насчёт набора персонала. Сестре хватит и санитаркой поработать, главное, выбить приемлемый график работы, чтобы совместить работу и учёбу. Тем более учёба не скоро начнётся, это приёмная комиссия сейчас работает, потом экзамены... Я уже всё узнать успел. Но это не всё, официальная работа, с трудовой книжкой, позволяла встать в очередь на комнату, а мне это и надо. Когда из Москвы все побегут при подходе немцев, думаю, получить освободившуюся комнату труда не составит. Иллюзий насчёт квартиры я не питал, вряд ли дадут. Да и насчёт немцев, что дойдут до Москвы, не уверен, были некоторые планы насчёт этого, посмотрим, как дальше история пойдёт.

Таня познакомилась с хозяйкой квартиры, хоть и временно, но та ею была. Нас покормили, сестра осторожно посетила душ, она в нём была впервые, любопытство так и пёрло из неё, потом, надев то же платье, вернулась в комнату. Ну а я в душ пошёл.

Утром Таня направилась в институт, а я, захватив солидную пачку денег и выяснив, где находится нужный магазин, направился туда. Купил не только солидную стопку разных тетрадей, но и чертёжный инструмент, разные писчие принадлежности, карандаши и даже нашёл два медицинских справочника. Помимо всего этого купил небольшой, явно дамский портфельчик на длинном ремне. Светло-коричневый. Вместо школьной сумки будет, стильно и элегантно. Похожие сумочки я видел у студенток в институте. Так что особо выделяться сестра не будет. Это хорошо.

Вернувшись на квартиру, сложил, что по моим прикидкам Тане понадобится, в сумочку, остальное оставил и поспешил к институту. Снова пройти внутрь мне была не проблема, какой сейчас экзамен, знал, нашёл нужную аудиторию и стал терпеливо ждать. Танюша выпорхнула четвёртой, сияя улыбкой. Ещё шире она начала улыбаться, когда я ей сумочку с содержимым подарил. Думаю, не визжала та от радости, потому что народу в коридоре хватало, но затискала от души. Даже как-то неловко для меня: лифчик она не надела, постирала вчера, и он всё ещё сох в ванной. Я, конечно, мужчина в самом расцвете сил, но пока женским полом не интересовался, организм ещё не повзрослел для этого, но понимал: ещё немного, ещё чуть-чуть – и наступит тот счастливый день, которого жду уже не один месяц. Сложно быть взрослым мужиком в теле пацана.

Оставив сестру в институте, – она поспешила к следующей аудитории, деловито инспектируя на ходу содержимое подарка, – я вышел наружу и запрыгнул в трамвай. Оплатив билет, покатил к рынку. Хватит ходить как бомж, ну или деревенский. Внимание привлекаю. Стоит приодеться, чтобы влиться в массы москвичей. Сестру тоже приодел бы, только она занята. Ни одной свободной минуты. Ничего, сдаст экзамены, там посмотрим. Если её примут, задарю.

До вещевого рынка добрался без проблем, это, конечно, не закрытый Черкизовский рынок, но тоже впечатлял. Погулял по рядам. Первым делом присмотрел себе отличный кожаный дорогой чемодан. Он ещёвшитыми ремнями вверху застёгивался. В своей прошлой жизни я уже такой видел, офицерский вроде, но не думал, что они уже сейчас существуют. Картонных и фанерных чемоданов хватало, но я ухватился именно за кожаный светло-коричневого оттенка. Не удивлюсь, если он импортный. Оплатив покупку, поторговался, не без этого, скинув процентов пятнадцать, после чего, держа за ручку – не сказать, что лёгкий чемодан, всё же кожа, – стал обходить ряды. Нужна обувь, причём срочно, сапоги, в которых я сейчас ходил, уже жали, как бы не дошло до кровавых мозолей. У нужного продавца сторговались так: он забирает мои сапоги и с наценкой продаёт свои. Померил, чуть велики, но со временем сядут

как надо. Надел их, портянки свежие тут же прикупил, и ударил с продавцом по рукам. Как влить, нормально. Дальше у соседа сапожника купил отличные городские штиблеты как раз по моей ноге, причём неношенные, а к ним десяток носков. Всё убирал в чемодан. В других рядах купил бельё, три белые майки и трое сатиновых трусов. В другом месте обнаружил отличный костюм для подростка, тёмно-серый, выглаженный, но главное, мне по размеру, не поленился, надел, даже рукава подходили, и осмотрел себя в зеркале – у продавца был небольшой закуток для переодевания. С только что купленными чёрными мужскими туфлями отлично смотрелся.

В принципе на этом всё, мне особо больше ничего и не нужно было, однако, проходя через ряды, не удержался, купил крепкие штаны, для леса, и кожанку, чуть велика по размеру, но на вырост хорошо. Дальше пошёл туда, где посуду продают. Купил небольшую двухлитровую кастрюлю, чугунную сковороду с крышкой, чайник, две кружки, две глубокие и две мелкие тарелки. Нож, несколько вилок, ложек. То есть посуду для Тани. Если она даже не поступит, разных учебных учреждений по Москве хватает, будет поступать в другое. А для жизни посуда всегда требуется.

Когда уже покидал рынок, услышал, как кто-то наигрывает на аккордеоне, причём немилосердно фальшивя, мой идеальный музыкальный слух этого никак перенести не мог. Я поморщился и пошёл в ту сторону, где терзали инструмент. Раз аккордеон есть, то, может, и гитара найдётся? Повезло, продавец занимался продажей именно музыкальных инструментов. Подержанных, правда, но, думаю, и новёй найдётся. Мельком взглянув на толстяка, который выдавливал из аккордеона эти стоны, я посмотрел на продавца – тот морщился не хуже меня – и спросил:

- Гитары есть? Испаночка?
- Есть, две. Командированные привозили из Испании. Хочешь посмотреть?
- А то!
- Только осторожно, не поцарапай.

Продавец передал мне чёрную лакированную гитару и, пристально поглядывая на меня, стал рассчитывать толстяка. Тот брал аккордеон, понравился ему. Когда продавец вернулся, я уже настроил инструмент и взял верхние ноты, проверяя звучание. После чего, поправив ремень, сделал перебор и стал наигрывать очень сложную композицию, услышанную мной ещё в том мире, и я по памяти на слух пытался её воспроизвести, и, что удивительно, практически идеально повторил. Нужно немного доработать, потренироваться, и исполню не хуже реальных музыкантов.

Когда продавец, с немалым интересом слушавший мою игру, вокруг тоже ценители собрались, озвучил цену, мне показалось, я ослышался. Даже демонстративно в ухо поковырялся и попросил повторить. Торговались почти час, но я купил гитару, не мог не купить эту красавицу. В комплекте шёл чехол и запасные струны, хоть это скрасило грусть расставания с такой значительной суммой.

Когда Танюша глубоко под вечер пришла, очень уставшая, из института, судя по её виду, вся выложилась, я сидел за столом в нашей комнате и писал. Левой рукой, чтобы почерк изменить. Когда дверь открылась, я захлопнул тетрадь и отодвинул её в сторону.

- Как ты? – спросил я.
- Ох и тяжело. Всё сдала на сегодня, но не знаю, как завтра день пройдёт. Устала.
- Иди в душ, вода снимет усталость, потом ужинать и спать. Тебе нужен отдых, – командовал я. – Кстати, вон халат тебе купил, для дома, переодевайся.

Похоже, сестра настолько устала, что не заметила мои обновки. Да и гитара, что стояла на кровати, прислонённая к стене, была ею не замечена. А тут сразу появились силы и начались шаманские пляски в халате. Понимая, что для женщин это животрепещущая тема, я обрадовал её: как только закончатся экзамены и появится свободное время, пойдём и всё ей купим.

Даже костюм, чтобы ходить на занятия. Вот тут сестра впервые озаботилась, откуда у меня действительно деньги? В моей байке, что я добычу сбывал на сторону, она уже засомневалась.

– Они не ворованные? – настороженно спросила она, пока я собирался с мыслями.

– Нет, – засмеялся я. – Просто пока я ходил по лесу, нашёл труп, старый, похоронил его. Но на теле и рядом было много золота, видимо, какой-то дворянчик сбежать не смог и помер. Вот это всё я продал, большую часть уже тут. Не волнуйся. Для семьи отложил, на покупки им тоже, так что хватит и тебя устроить, и им отдать. Себе ничего не оставлю, вон, только гитару. Костюм, кстати, планирую у тебя оставить, с собой не возьму. Буду приезжать и надевать.

– И часто приезжать хочешь?

– В следующий раз – к началу твоих занятий, а дальше видно будет.

Танюша ушла принимать душ, потом мы вместе поужинали, и она потребовала показать все обновки. Я возражать не стал и даже оделся. Почти час потратили. Да и сама сестрёнка в халате долго у зеркала шкафного крутилась, рассматривала себя.

– Причёска у тебя не городская. Следующие дни у тебя, я посмотрел, тоже заняты, но потом сходим и за одеждой, и в парикмахерскую. Я, кстати, тоже оброс...

Таня сдала все экзамены и ожидала решения экзаменационной комиссии, возьмут её или нет, как на иголках сидела. Я тоже не дремал. Заполнил всю тетрадь, потом ещё будет, купил с десятков конвертов и на двух написал данные всесильного наркома. Был шанс, что тетрадь не попадёт к нужному адресату, значит, нужно подтолкнуть к тому, чтобы следующую подобную прессу принимали со всем тщанием. И вызывали нужных людей или фельдъегерей для передачи письма адресату.

Сегодня я и решил опустить первое письмо в почтовый ящик, причём сделать это на Киевском вокзале. Там и народу много, и контроль меньше. Переоделся под деревенского, мешок тряпьем набил, кепку на глаза, и отправился к вокзалу. Там спокойно подошёл к почтовому ящику и опустил письмо. После чего покинул вокзал, добрался до съёмной комнаты, нормально переоделся, в штаны от костюма и белую рубашку. Жарко, и так хорошо. Головные уборы в городе не носили, так что и я отвыкал, как в принципе и Танюша. И теперь направился в районную больницу. Она тут не так и далеко. Главврач уже несколько дней отсутствует, он находился на курсах повышения квалификации, но сегодня должен быть, вот и постараемся пристроить сестрёнку.

Москва. Лубянка. Кабинет наркома Берии

– Разрешите? – заглянул в кабинет секретарь.

Хозяин кабинета был не в духе. Он только что вернулся от хозяина, где получил вполне справедливый втык, отчего злился ещё больше, и уже вызвал ответственных людей, готовясь передать, только в трехкратном размере, всё, что услышал от главы страны. Тем удивительно ему было поведение секретаря, тот прекрасно понимал, в каком состоянии его начальник, но всё равно зашёл. Значит, что-то действительно важное.

– Давай! – отрывисто приказал Берия, требовательно протянув руку, заметив, что секретарь держит конверт.

Подойдя, тот передал письмо и сообщил:

– Письмо изъяли сегодня в десять часов дня. Почти сразу оно было отправлено в наркома. Вскрыто с применением всех средств в специальном помещении. Эксперты, осмотрев и изучив содержимое, немедленно связались со мной и передали его вам. Опасности оно не представляет. Следов особых нет, отпечатков тоже. Чисто сработали.

Начальник, осмотрев вскрытый конверт, достал тетрадный листок и прочитал не такое и большое сообщение в письме. Почему передали, усталый нарком уже понимал сам.

«Доброго дня. Не думаю, что обрадую. Вы будете расстреляны 24 декабря 1953 года по решению Верховного суда СССР. С Вами будут расстреляны ваши соратники, которых в газетах будут называть бандой Берии. Это Меркулов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик, Даконазов и Влодзимирский. Инициалов, извините, не помню, хорошо, хоть фамилии вспомнил.

Пока жив Сталин, живы и Вы, запомните это. Стали на убили, цинично и подло, отравив 1 марта в 1953 году, а умер он 5 марта. Есть несколько версий, но основных две. Отравление и инсульт. Думаю, вторая верная. Когда случился инсульт, к товарищу Сталину не пускали больше двух суток врача, пользуясь Вашим отсутствием. Когда Вы вернулись, было уже поздно. Те, кто Вас убьют, встанут у руля, они же и уничтожат страну, агония будет длиться сорок лет.

Воспримите серьёзно эту информацию. У Вас есть шанс всё изменить. Кто повинен во всём описанном, будет сообщено в следующих сообщениях. Следующее письмо под номером два. Не пропустите. Аноним».

– Было второе письмо? – коротко поинтересовался Берия.

– Такая информация не поступала. Отменить совещание?

– Нет, всё как и прежде. После совещания вызови мне Меркулова. А письмо на анализ почерка. Не пойму, кто писал.

– Есть. – Секретарь забрал письмо и покинул кабинет, и почти сразу туда стали заходить командиры в разных рангах.

Берия уже настроил себя на нужную ноту. Даже странное письмо не выбило его из колеи, так что посетителей ждал холодный приём, но буря вот-вот должна была разразиться.

– Ура-а-а, я сдала! – висела на моей шее Таня.

– Я же свалюсь, отпусти, – улыбаясь, ответил я.

Я ждал Таню у входа, и вот она обрадовалась, её официально зачислили на первый курс. Правда, напомнили насчёт паспорта. С этим проблем не возникло, благо в деканате все, кто нужен, был на месте, Таня взяла необходимую справку, и мы сразу от института прошли к отделению милиции, где сестра написала заявление на получение паспорта, предъявив справки и документы. Включая свой единственный реальный – комсомольский билет. Паспорт обещали сделать через три дня, препятствия для выдачи местные власти не видели.

На рынок мы уже не успевали, так что посетили парикмахерскую, где нам сделали нормальные городские стрижки. А вот утром уже направились на рынок. Ох, Таня там и оторвалась!.. Мы нашли тёмно-синий с рисунком на лацканах строгий женский костюм, юбка до колен, белая сорочка и жакет, что-то вроде пиджачка. Смотрелось на Тане изумительно, будто на неё шили. Потом купили три разных платья, во всех можно ходить и по городу, вполне нарядные и лёгкие, летние. Взяли также обувь, а то Таня у мамы последнюю нормальную пару туфель забрала. Надо вернуть. Сумочку женскую. И к белью перешли, тут, розовая, она сама отбирала – дело деликатное, я чуть в стороне стоял с чемоданом. Все покупки мы в него складывали.

Потом был переезд. Прожили мы в комнате почти шесть дней. Бланк на получение койко-места Таня уже получила, но тут комендантша решает, кого куда поселить, так что я купил большой торт, Таня так и облизывалась, ходила как кошка вокруг него, и с этим гостинцем зашёл к комендантше. В общежитии был бардак, много народу вселялось, так что та была не в настроении, однако мне удалось её разговорить, и она выдала Тане ключ от двухместной комнаты. Ранее тут жили две студентки, которые выпустились в этом году. Выпуск был раньше, чем обычно. Из-за возможной военной угрозы было решено увеличить штаты госпиталей и медсанбатов, прошлые студентки попали в это число, а брали только добровольцев. Поэтому и выпустили раньше. Честно говоря, не слышал ни о чём подобном в своё время, но сейчас меня всё устраивало. Особенно то, что из-за этого и набор начали раньше. У института было

несколько общежитий, новый корпус, отстроенный недавно, кирпичный в три этажа и пара деревянных двухэтажных, вот в один такой Таню и заселили на втором этаже.

Мы осмотрели комнату: две панцирные кровати, между ними у окна стол, два стула, шкаф. У входа вешалка. Вот и всё. Соседку пока не подселили. Мы полу чили постельное бельё и всё, что полагается, и направились за Таниными вещами. В два захода всё принесли. Я пока буду жить на снятой комнате. Доплатил ещё за неделю, а Таня пусть уже на своём месте устраивается, ей тут долго жить.

Через три дня Таня получила паспорт с временной пропиской, и только после этого мы направились в районную больницу, где главврач побеседовал с сестрёнкой и согласился взять её пока санитаркой. В хирургическое отделение в ночную смену. Смены через каждые два дня. Завтра первый рабочий день, вернее, ночь. Потихоньку я помогал Тане освоиться в крупном городе, столице Советского Союза. Я водил её по выставкам, по кинотеатрам, пару раз в театры ходили, в парке на озере на лодке катались. В метро ей поначалу страшно было, но ничего, тоже привыкать стала. Из деревенской простой девушки та постепенно становилась городской. Я учил её красиво ходить, правильно одеваться и даже говорить. Таня удивлялась, откуда у меня это всё. Конечно, недели на это мало, но хоть что-то.

Завтра я уезжаю, билет уже куплен, поэтому делал наставления перед отъездом. Таня встала на очередь на жильё через больницу, где уже отработала две смены – тяжело, но жить можно, – так что со временем, возможно, и получит комнату в коммуналке. Вот я и втолковывал, что при распределении после окончания института смотрят, у кого московское жильё, того в Москве и оставляют, так что ей кровь из носу, но нужно получить комнату. А то: мне и в общежитии хорошо! Ничего, в конце лета вернусь, посмотрю, что и как идёт здесь.

Я выдал сестре запас наличности, на месяц хватит, продуктов мы ей закупили, крупы там, то, что не скоропортящееся, даже с десяток банок рыбных консервов. Ещё Таня по моему велению открыла в сберкассе сберкнижку, куда я положил ей солидную сумму, можно не работая прокормиться полгода в Москве. Но пока пусть на зарплату живёт.

На следующее утро мы направились на трамвае к вокзалу. Таня провожала меня. Сошли мы раньше, и сестрёнка недоумевала, зачем, но я лишь дошёл до почтового ящика и, бросив конверт в него, вернулся, и мы, дождавшись следующего трамвая, поехали дальше. На вокзале, когда прощались, я достал часы из кармана куртки, те самые, на цепочке в форме луковицы, и протянул их сестрёнке:

– Часовщик их починил. Секундная стрелка точная, тебе как будущему врачу обязательно нужны часы с секундной стрелкой, чтобы пульс считать. Я это от других студентов узнал.

– Спасибо, – приняла она подарок с чуть повлажневшими глазами и тут же встрепенулась: – Это с того тела?

– Нет, купил на рынке с рук. Повреждены были, поэтому по дешёвке. Правда, часовщик за ремонт много взял, но часы тебе нужны, даже такие, так что пользуйся и не забывай подводить.

– Спасибо. – Таня крепко обняла меня. Отстранившись, она неожиданно сказала: – Знаешь, та девушка из общежития теперь стороной меня обходит, напугал ты её. Не ожидала, что ты такой жестокий.

– Да ты что, – ласково улыбнулся я. – Я белый и пушистый.

История, произошедшая три дня назад, не сказать что приятная, но описать её всё же стоит. Бить женский пол я как-то не приучен, если этот женский пол не трогает меня или мою семью. Не знаю, вроде девка на вид нормальная, тоже не городская и красивая. Когда Таня заселилась, эта пигалица стала третировать сестру, насмехаться при встрече, деревней называть. В принципе Таня и сама не промах, но тут я стал свидетелем очередного представления.

Было до этого ещё два, но сестра о них рассказывала. Её завести трудно, но если получится – не остановить, так что быть этой белобрысой битой, но, к её несчастью, в этот раз вмешался я.

Дело было на кухне общежития. Я туда за водой пришёл, а сестра – за вскипевшим на плите чайником. И эта девица была здесь и стала громко высказываться о покрое халата сестры. В общем, я взял ложку со стола, подошёл к ней, ударил ею под колено, отчего пигалица присела, и прижал эту ложку к её глазу. Злость была, поэтому говорил немного хрипло:

– Я сестру часто навещать буду. Пожалуетса, оба глаза выну и заставлю съесть. Поняла? Кивни. Вот и умница, а теперь топай отсюда.

Свидетели особо ничего не поняли: мол, я подошёл, приобнял девушку, мы о чём-то поговорили, и та быстро ушла. Испуганная, даже очень. У сестры о девице я не интересовался, а тут сама вспомнила. Видимо, всё же что-то усмотрела.

– Всякое бывает, но ты будь бдительна. Снова свои хороводы вокруг тебя будет водить, бей без разговоров. Но бей аккуратно, чтобы синяков не было и свидетелей. А то мало ли, выгонят, этой дуре хватит глупости пожаловаться.

– Она со второго курса. На третий переходит. Думает, если старше, то можно нападать на тех, кто только зачислен. Нас даже по группам ещё не распределили.

– Вот именно. Ладно, пишите письма.

Обняв сестру, я поправил мешок на плече и прошёл в вагон. Проводник, в этот раз был мужчина, какой-то неухоженный, в грязной форме, с щетиной, и перегаром от него разило, посмотрел билет и кивнул: проходи. Ещё и взглянул на меня как-то странно. И его взгляд я расшифровал, когда добрался до своего места. Оценивающий он был, и, судя по всему, оценка была не в мою пользу. Я купил место на верхнюю полку, однако купе было уже занято, там сидело пятеро мужчин. Не сказать, что молодые, всем за тридцатник, кручённые жизнью, это было заметно, ну и расплывшиеся со временем татуировки, проглядывавшие из-под одежды, намекали на их не совсем хорошее прошлое.

– Вещи свои убрали, место куплено, – кивнул я на полку, где были свалены мешки.

– Ого, борзый, – усмехнулся ближайший. – Место занято, сам по вагонам ищи, где приткнуться. Бегом отсюда.

– За место уплочено. Хотите занять, выкупите у меня билет, я в принципе не против.

– Топай отсюда, – показал вор нож, после чего стал резать колбасу на столе.

– Ладно, потом поговорим, – пообещал я, зло сузив глаза.

Раздувать конфликт было не в моих интересах. Мы ещё у вокзала стояли, милиция тоже не вариант, отбываем через минуту. Так что вернёмся чуть попозже. Скорее всего, воры дали на лапу проводнику, вот он их и разместил. Я мог бы поднять скандал, воры этого явно ожидали, но не буду. Чую, не простые парнишки. По стандарту за борзость мою должно было прилететь пару тумачков, однако те сдержались. Не должны были, но сдержались. Похоже, внимания к себе привлекать не хотели, а вот это уже интересно. Тут было два варианта ответа на их поведение. Первый – вполне возможно, они едут на дело и опоздать не могут, поэтому стараются вести себя тише воды ниже травы. Никакой водки и пива на столе, еда есть, но не спиртное. Вот это ещё более странно. Однако во втором варианте – это курьер с охраной. И что он везёт? Интересно было бы посмотреть, поэтому я и решил не нагнетать обстановку и действительно убраться. Мне средства нужны, а тут такая удача, думаете, я упущу её?

Развернувшись, под презрительные смешки бывших сидельцев я направился прочь. Покинул этот вагон и договорился с проводником в соседнем, дав в качестве оплаты наручные часы. Дорого, но другого выхода не было, деньги-то все Тане оставил. Проводники брали пассажиров, и, если нет мест, устраивали у себя в купе.

Поезд тронулся, и я, пристроив мешок на полке и угостившись чаем, стал подрёмывать, пока не заснул, баюкая в руках гитару. Не хотелось, чтобы она пострадала.

Похоже, у меня много работы будет на ночь: я решил наказать воров. И за борзость, и за наглость, да за всё. Если даже не курьеры, уверен, есть с них что снять. Постараюсь не убивать, но, если не будет другого выхода, особых сомнений испытывать не буду. Раз заняли моё место, платите за перевозку. Всё, что снято, то и будет платой. Меня это вполне устроит.

Лубянка. Кабинет наркома

– Конверт уже осмотрели. Не вскрывая. Чисто, – подавая его, сообщил секретарь.

– Второй, – посмотрев на номер на титульном листе тетради, которую тот сразу достал, пробормотал нарком. – Недельку нервы ожиданием трепали, скоты.

Секретарь после повелительного взмаха рукой поспешил покинуть кабинет, сообщил ожидающим в приёмной, что в течение часа нарком никого не принимает, и занялся своими обычными делами. Берия же бегло пробежался по тетради, и лицо его, чем дальше, тем больше, становилось заинтересованным и при этом раздражённым.

– Начало войны... поражения... потеря Киева... Крыма... блокада Ленинграда... заканчивается тем, что немцы под Москвой будут... Ещё общие потери как среди мирного населения на оккупированной территории, так и среди военнослужащих... Всё не то. Где информация по предателям, кто меня прикажет расстрелять?! От кого ожидать удара в спину?! – Берия зло ударил кулаком по столу, прошипев: – С кем играть вздумали?! Или?.. Или вы хотите, чтобы я проверил, реальна ли информация? Что ж, проверим...

Проснулся я где-то в полночь. Вагон покачивался, снаружи мелькали огоньки, видимо, какую-то станцию проезжали, возможно, товарную, раз не останавливались. Перестук колёс убаюкивал, но я встряхнулся, посмотрел на проводника – тот спал, и, взяв мешок и гитару, вернулся в вагон, где у меня отжали место, оставил вещи в тамбуре. Тихо постучался в купе проводника. Когда тот выглянул, вырубил его ударом рукоятки ножа в подбородок – классический нокаут – и заглянул в купе. Как и думал, проводник тоже зарабатывал как мог, ещё трое спят, зайцы. Доволок проводника до тамбура, тяжёлый, зараза. Спецключ от дверей нашёл у него в кармане форменных брюк. Открыл наружную дверь и выпихнул его из поезда. Тело покатилося под откос. Надеюсь, поломает себе что в наказание.

Раздевшись, оставшись в одних штанах, накинул сверху тёмно-синюю майку, это уже запасное бельё из дома, и, пройдя по коридору плацкарта, где, как и ожидалось, все спали, заглянул в нужное купе. А вот двое воров не спят. Трое дрыхнут на полках, включая мою, а эти бодрствуют. Я как бы проходил мимо, да и те в полумраке меня явно не узнали, при свете ночника резались в очко. Вроде очко, не все карты рассмотрел.

Те насторожились, когда я мимо проходил, но, успокоившись, вернулись к картам. Ещё один звоночек. Точно груз, уверен уже на все сто процентов. Более того, я заметил, как сверкнул воронённой сталью ствол револьвера на бедре одного из игроков. Нет, внезапное нападение тут вряд ли получится, отобьются, опытные сучары. Значит, будем ждать, когда один отлучится, например, в туалет, там и подстережём.

И дождался, пришёл-таки один, сперва в туалет зашёл, после чего, доставая из кармана пачку папирос, направился в тамбур, вот там я его из тёмного угла и приглубил. Мелкий вор, но живчик. Причём он как-то уловил моё движение и попытался увернуться, однако я этого тоже ожидал. И коленом, когда тот пригнулся, зарядил ему в висок. Проверив пульс, только поморщился. Мой удар в висок оказался смертельным. Быстрый обыск дал мне два отличных ножа, ещё один складной и три метательных. Хорошим мастером сделанные, я даже трофейную спичку зажёл, чтобы их рассмотреть. В кармане также обнаружилась неплохая свинчатка, кастет, если проще. Сам я пользовался тяжёлой рукояткой ножа. Чтобы руки не повредить, а тут такое отличное средство, это кстати, так что его, примерив – великоват, отправил в карман, пригодится. Ещё за поясом обнаружился наган, а в карманах пиджака солидный боезапас, счи-

тать сейчас времени нет, но больше сорока патронов точно имелось. Вычистив все карманы и проверив сапоги, я открыл дверь и вывалил тело наружу. Один есть, осталось четверо, причём тот, что бодрствует, изрядно насторожен. Продолжим.

Со вторым, что бодрствовал, я поступил просто. Выскользнул из-за угла купе, и не успел тот дёрнуться, всадил в горло нож, один из трофейных. Я лишь удерживал его руки, чтобы он не произвёл шума, не разбудил дружков. Пока тот булькал горлом на полке, я осмотрел спавших воров. Взяв из-за пояса ствол револьвера, со всей пролетарской ненавистью опустил рукоятку на голову того, что лежал на нижней полке. Потом, подхватив под мышки дёргающееся тело зарезанного, потащил его в тамбур. Блин, да я брёвна на нашей стройке таскал, так тела убитых не менее тяжёлые. Не знал, что трупы тяжелее живых. Как-то раньше заниматься их перетаскиванием не приходилось. Раненых во время службы в армии носил, но на носилках, а так – нет, не бывало.

Зрелище, наверное, сюрреалистическое. Ладно хоть, все спят, глубокая ночь, да и перестук колёс и шум поезда гасил звуки. Крови вроде на полу не оставил, клинок из раны я не доставал. Сделал это уже в тамбуре, тем более пока тащил, вор, поскоблив в агонии сапогами по полу, отошёл. Эту тушу я и так с перенапряжением своих детских сил волок, так он ещё дёргался, мешая мне. Пришлось постоять в тамбуре, перевести дух. Пот по спине так и струился, майку хоть выжимай.

Выдернув нож, вытер клинок о полу пиджака и обыскал труп. В этот раз трофеи убирать в свой вещмешок не стал, некогда, в углу сложил. Кстати, у вора я нашёл патроны в карманах, а вот револьвера не было, похоже, он остался на полке, где тот сидел. Нужно посмотреть. Открыв дверь, я выкинул тело обчищенного бандита наружу. То, что бандита, уже смог убедиться, у него документы были на нескольких человек. Избавившись от тела, я побежал за следующим, уже третьим вором. Прежде чем его тащить к тамбуру, снова перевёл дух, заодно и потерянный наган нашёл, действительно с краю нижней свободной полки лежал.

Вот с третьим вором затык: этот был вообще боровом, я его просто не утащу. Даже поднять сложно, честно говоря. Пришлось поступить по-другому. Я встал на нижнюю полку и рукояткой нагана приглубил четвёртого, потом повернулся и также прошёлся по пятому. По несколько ударов делал, чтобы наверняка. Ну вот и всё. Теперь за дело. Открыл окно и, сняв со стола всю еду и карты, подтащив третьего, перевалил его через окно и даже не посмотрел, как тело кувыркается по откосу. Двух оставшихся тоже нужно сопроводить наружу.

Обернувшись, аккуратно стащил с верхней полки четвёртого, прямо в окно, благо тот имел невысокий рост, но весил, правда, изрядно, обыскав, естественно, по пути. А вот когда с пятым возился, видимо, кого-то разбудил. Мимо купе, подтягивая штаны, прошёл мужик с сонным видом. И я так и просидел у тела, пока тот не прошарился вместе с запахом табачного дыма. Вот что его задержало, он ещё и курил. Ладно, после обыска пятого и его перевалил через окно. Сел на нижнюю полку, смахивая пот со лба. Отдышавшись, стянул мешки с полок. Тяжёлые. На вид обычные деревенские наспинные мешки с лямками, что во всех деревнях хозяйки сами шьют из мешковины.

Открывал по очереди и доставал содержимое. Через пару минут я сидел, озадаченно разглядывая добычу. Без сомнения, вору были курьерами, как я предполагал, но я думал, деньги везут, а тут золото в слитках с оттисками банка СССР. Всё это тщательно упаковано, примерно по два «кирпича» в трёх мешках, остальное тряпье, чтобы мешки не казались полупустыми. Хотя деньги тоже были, тысяч триста в новых купюрах. В двух других мешках – еда и всё, что нужно в дорогу. Даже две непочатые бутылки водки нашёл, видимо, бандиты планировали отметить прибытие и сдачу груза. Сложив всё обратно, забрал все пять мешков, чтобы подумали, что пассажиры сами покинули поезд. Разберутся, конечно, когда тела найдут, но это когда ещё будет, тем более война на носу.

Вернувшись в тамбур, упаковал всю добычу в один из мешков воров, мой и так был полон, открыл дверь и стал сбрасывать мешки один за другим. С такой добычей в поезде оставаться глупо, значит, нужно покинуть его. Сгруппировавшись, шагнул и сам с гитарой в руке, сразу осторожно откинув её в сторону, чтобы не повредить и не раздавить своим телом. Всё я просто не унесу, будем делать схрон. Покрутило меня изрядно, синяки, возможно, есть, но в целом не пострадал.

Достав из-за пазухи кепку, надел её на голову и, оставив осмотренную гитару на месте, к счастью, пережила та полёт благополучно, пробежался вдоль путей, собирая добычу. Проблема была с одним мешком, еле нашёл его в камышах, далеко укатился. Сложив всё в одном месте, я спустился к болоту, метрах в ста серебрилась вода, и стал смывать кровь с рук. Всё же уделался. Потом отмыл обувь и вернулся к мешкам.

Достал одежду, купленную на рынке в Москве, хорошую, крепкую, для похода самое то, переделся, а майку со штанами, вернувшись к воде, тщательно постирал и выжал. Было прохладно, так что я накинул кожанку, купленную в Москве. Теперь нужно подумать, что делать дальше. Нужно отобрать, что беру с собой и что оставлю в схроне.

Когда я собирал мешки, то видел невдалеке, откуда мы приехали, какие-то огоньки. Нужно сбегать посмотреть, что там, и вообще определиться на местности, а то я даже не знаю, где нахожусь. Пробежка немного остудила меня, а проведённая разведка показала, что огоньки были у сторожки, пути пересекала автомобильная дорога. Отлично. Главное, местному работнику на глаза не попасться. С новыми данными идея со схроном тихо угасла, попутками я и с добычей доберусь до своей деревни. Попутки – наше всё.

Вернувшись, я расстелил свою куртку и стал выкладывать на неё всё золото. Потом сложил его в один из мешков. Правда, собака, тяжеленный получился, примерно кило двадцать. Я с трудом оторвал его от земли и плюхнул обратно. Пришлось распределять слитки по двум мешкам. Вот, теперь легче. В эти же мешки рассортировал и пачки денег, набив их ими полностью. Свой мешок я не трогал, тот и так забит, а вот в один из освобождённых сложил остальные мешки, пригодятся, туда же всё оружие и почти всю добычу с тел воров, включая боезапас. Пересчитал патроны – почти четыреста штук. Видимо, оборонять груз те собирались до последнего. Думаю, они общак перевозили, возможно, меняли место хранения. Искать его будут сто процентов, так что нужно хорошо спрятать и следов не оставить. А так, по моим прикидкам, всё чисто сделал.

В общем получилось четыре мешка: мой, второй с трофеями, оружием и мешками и третий с четвёртым – самые ценные, с золотом и деньгами. Деньги всегда пригодятся, хотя я на другую добычу рассчитывал. Один наган у меня за поясом был. С десятков патронов в карманах, остальное убрал. Всё, что мне не нужно, барахло из мешков воров, связал узлом и притопил в болотце.

Почесав затылок, я взял два мешка – один с золотом за спину, второй с моим имуществом и подарками в руки, гитару на другое плечо, и понёс всё к дороге. В километре от сторожки спрятал всё в кустах. Вернулся и с трудом закинул второй мешок с золотом за спину, ляжки так и врезались в плечи, но упру, своё теперь. Мешок с добычей с воров в руки. Посыпая время от времени свои следы табаком – все воры курили и пачки папирос были в добыче, есть чем собакам нюх отбить, – направился к двум первым мешкам. Когда проходил мимо сторожки, там вдруг собака забрехала, видимо, услышала меня, не знал, что там собака, но я уже торопливо удалялся, тяжело дыша и весь мокрый от пота и напряжения. Ну очень тяжело. А вот в сторожке свет загорелся, разбудила собака хозяина.

Остаток ночи прошёл в перетаскивании в несколько заходов ещё на пару километров мешков. Когда железка осталась километрах в четырёх позади и начало рассветать, я устало упал рядом со всеми четырьмя мешками, тяжело дыша. Выложился полностью, сил больше не

было. Почти час в себя приходил, всю воду выхлебал. Силы и так были подорваны, пока трупы воров таскал, а тут ещё и это.

Когда совсем рассвело, я выглянул из кустов. Дорога тут оказалась вполне активной. Пока лежал и отдыхал, звуки моторов слышал раз восемь. И я задумался. С золотом я далеко не уйду, нужно сделать временный схрон и прогуляться до ближайшего населённого пункта, хотя бы определиться, где я вообще. То, что даже до Новгорода не доехал, это точно, я бы знал, значит, до родной деревеньки несколько сот километров. Печально. Единственная проблема на данный момент – схрон. Вокруг я не наблюдал ни одного деревца, поля да вот этот кустарник по краю оврага. А вот по оврагу ходят, всё истоптано коровами. Видимо, на водопой тут гоняют бурёнок. Так что остался один кустарник, больше мест для схрона я не видел.

Нож в руки – и за работу. Схрон получился хоть и временным, но отличным, но как только листья пожухнут, обнаружить его труда не составит. Оставив все мешки с гитарой на месте, я вышел на дорогу и направился дальше. Пару раз меня обгоняли машины, но тормозить я их не стал. Когда поднялся на небольшую возвышенность, рассмотрел вдали какую-то деревушку и поспешил к ней. Мне навстречу попались мальчишки с удочками и вёдрами, видимо, к озеру шли, оно по правое плечо у меня осталось, вот их и опросил, разобравшись, где оказался. М-да, далековато до дома. Километров четыреста пятьдесят будет, даже чуть больше. Одну станцию до Вышнего Волочка не доехал.

Вернувшись, я вытащил мешки к дороге и сел на один с золотом, примяв пачки с деньгами, ожидая попутку. Первая машина проскочила не останавливаясь, ну, «почта» – это правильно, а вот следующий грузовик с пустым кузовом остановился на мою поднятую руку. Молодой парень в солдатских штанах и гражданской рубашке поинтересовался, куда я еду. Ответил ему, что в небольшой городок в ста километрах от того места, где мы стояли. Тот почесал затылок и, сказав, что километров сорок нам по пути, пригласив садиться, и когда я мешки затащил в кузов, он удивлённо поинтересовался, что я везу в самых тяжёлых. Ответил просто: свинец купил для отца-охотника, сняв этим все вопросы. Парень был из другой области, ехал за фабричным оборудованием, третий рейс делал, так что дорогу знал, как свидетеля, если будет расследование, найти его трудно.

Потом набился в попутчики старику на телеге, и этот удивился тяжёлым мешкам, но байка с купленной свинцовой дробью для отца и тут сработала. Вот так на перекладных и ехал.

Везти золото к себе в деревню я посчитал опрометчивым. Когда добрался до шоссе, что вело к Пскову, я выбрал крупный лес у дороги и, покинув попутку, снова поочередно переноса мешки, перебрался на опушку. Там пробежался по лесу, нашёл отличное место для схрона – дупло в дубе – и перетащил золото и большую часть денег туда. Замаскировал листвой и веточками. При мне теперь два мешка и гитара. Уже лучше. Я оставил с собой три нагана с половиной боезапаса, около пятидесяти тысяч рублей. Ну и другие трофеи с воров. Уже свободно покинув лес, отошёл подальше и снова остановил попутку.

На вторые сутки сел на рейсовый автобус до Пскова, потом, на третьи, пересел на рейсовый автобус до Гдова, дальше опять на попутках до Сланцев. До дому добрался ближе к вечеру пятого дня. Переночевал в одной деревушке, на сеновале, ничего за это хозяева не взяли, хотя и покормили. На подъезде в лесу у райцентра спрятал второй мешок с деньгами и оружием. Поступил со схроном так же: нашёл пустое дупло на шести метрах высокого дуба, всё в него убрал, а сверху завалил листьями и разными веточками. Схрон первоклассный. Даже наган, который уже привык носить за поясом, спрятал. Когда вернусь, почишу и смажу всё оружие для долгого хранения.

Закинув лямки мешка на одно плечо, двинул дальше. Думаю, родители беспокоятся, даже очень, я должен был вернуться ещё неделю назад, однако дел в Москве было немало, да и дорога, вон, тоже заняла изрядно времени. Когда деревня наша открылась моему взору, я отметил, что наш дом уже под крышу заведён, более того, даже железом крыт, ведутся внут-

ренные работы. Две оконные рамы уже вставлены, но пока без стёкол. Постояв на месте, рассматривая с дороги уже ставшую родной деревушку, вздохнул и энергично зашагал дальше. Первой меня мелюзга деревенская заметила, среди них и мои сестрички были, так что гаму на всю деревню – я вернулся. На шум начали и взрослые собираться к нашему двору, и отец спешил, ему уже донесли обо мне.

Когда он, торопливо дойдя до калитки, вошёл во двор, я как раз заканчивал обниматься со всеми. Отец тут же задал вопрос, его и раньше задавали, но я просил дождаться отца, а тут ответил:

– Хорошо съездили. Отлично. Таня поступила во Второй Московский государственный медицинский институт. Я её в Москву отвёз, она сдала все экзамены, устроилась в общежитии. На врача будет учиться. У неё три года впереди, чтобы определиться, кем по специальности будет. Учёба через два месяца начнётся. В общежитии есть телефон, если хотите поговорить, позвоните, её, если она на месте, позовут, и поговорите. Телефон в райцентре есть, на почте. Номер я записал. Потом можно будет договориться на определённое время для звонков, чтобы она ждала. Это ещё не всё: я её рядом с местом учёбы на работу устроил, санитаркой в больницу, будет постигать медицину с низов, да и приработок хоть какой-то.

Пока все переваривали услышанное, я развязал тесёмки мешка и стал доставать подарки. Это немного отвлекло родителей. Дед с бабушкой ладно, они нормально всё восприняли, тем более Москва есть Москва, однако, к моему удивлению, и отец это принял: удивлённо почесал затылок и махнул рукой, мол, врач так врач, тоже профессия хорошая. С воров я снял трое наручных часов, и те, что поновее, подарил ему, мол, из Москвы. Конфеты для мелких немного помялись, но малышня всё равно приняла их с радостью. Но им ещё не всё, картинки-раскраски купил и краски с кистями. Марине, своей сестричке-близнецу, – нарядное платье, Таня выбирала. Деду – курительную трубку, а то он всё мундштуком пользовался, а также зажигалку, матери – два новых платья, они с Таней одинаковые фигуры имели, как и размеры ноги, так что и обувь была. Бабушке – нарядный платок. Маме вернул всё, что Таня у неё занимала. Отцу – пачку денег, даже больше, чем он давал на поездку. Тот и так понял по количеству подарков, что дело нечисто, поэтому терпеливо ждал, когда можно задать вопрос:

– Откуда?

Ему я рассказал ту же историю, что и Тане, с найденным в лесу трупом, сразу же повинившись, мол, если бы всё отдал, Таню на врача не увёз бы учиться, а так и её хорошо устроил, и им хватит, даже на стройматериалы для дома. Так что моё возвращение пришлось как нельзя вовремя.

– Ты всё давно спланировал, – горестно вздохнул отец и, сжав мне плечо, отошёл в сторону, закурил.

– А ты бы разрешил? – честно и прямо спросил я.

Молча посмотрев на меня и сев на завалинку покосившейся избы, задумался и отрицательно покачал головой.

– Чего и стоило ожидать. Ты не обижайся, позже поймёшь, что я всё сделал правильно. По-другому я поступить просто не мог.

Отец не стал спрашивать почему, продолжая задумчиво курить, глядя себе под ноги, ну а я стал общаться с семьёй, всё же больше двух недель не виделись.

Сидя на стволе дерева, что склонялось прямо над родником, и поглядывая вокруг – глухая чащоба имела свою жизнь, – я дал обсохнуть ногам. Потом, перебравшись по стволу к берегу, намотал портянки и надел сапоги. После чего, подхватив винтовку и забрав сегодняшнюю добычу, энергичным шагом двинул в деревню. Полдень, информация уже должна была распространиться. Сегодня двадцать второе июня тысяча девятьсот сорок первого года. Несмотря на то, что я отправил письма, скажем так, компетентному лицу, не думаю, что сроки

изменяться. Если вообще моим сообщениям поверили. А как можно проверить? Я хорошо помнил только то, когда начнётся война. Ну и дальше. Для проверки этого хватит, но были ли приняты контрмеры? Вот это и волнует. Насчёт Берии, с кем его расстреляли, да когда и кто, так это случайность, попалась заметка, прочитал, и зацепилась в памяти. Сколько голову ломал, выцеживая из памяти фамилии тех, кого расстреляют с Берией. Всё для достоверности.

Сегодня добыча – молодой кабанчик, я его уже разделал, насадил мясо на крепкую срубленную ветку и на манер коромысла понёс к дому. Двенадцать кило – не шутка. Плечи менять приходилось часто, палка больно впивалась. А до дому ещё километра четыре. Энергично, но тяжело ступая, обходя труднопроходимые места, я обдумывал свои следующие действия. Ту нашу вольность с Москвой родители приняли, отец несколько тяжело, но всё же. Именно тогда он и признал, что теперь считает меня взрослым и ответственным за свои слова и поступки. Моя жизнь протекала так же, как и до поездки, я выполнял задания в лесу, на повозке, бывало, развозил соль для лосей к кормушкам. В общем, замещал отца как мог, ну и о добыче не забывал, с неё кормилась вся деревня, тут особо жадными мы не были. Отловили несколько браконьеров, тоже неплохо.

За месяц отец с помощниками закончил дом, мы уже переехали, мелкие недоделки он заканчивал походя. Даже мебель частично закупили, а частично сами сделали. Один раз я посетил свой схрон в дупле и тщательно почистил всё оружие. На повозке я возил маму и бабушку с сестричками в райцентр. Четыре раза они уже с Таней по телефону общались, всё хорошо проходило. Сестра изучала Москву в свободное время, по сменам работала санитаркой. Закупала всё для учёбы, готовилась.

В остальном всё как и прежде. В отличие от семьи, для меня этот месяц прошёл скорее в ожидании и подготовке, я прекрасно знал, что начнётся вскоре. Школьные документы с оценками мы с Мариной на руки получили, а остальные как раз получали сейчас. Также уверен был, что отец моё решение с переездом не поддержит, он слишком много сил вложил в строительство дома. Да и несмотря на то, что родни у нас практически не осталось, это родные земли. У отца близкие только дед с бабушкой, остальные умерли, или Гражданская забрала, как родных братьев отца. У мамы была родная сестра, младшая, вышла замуж за офицера, хотя правильно говорить – краскома, и жила на Севере. Тот вроде пограничник, комендатурой командовал. Я о них знал, что они вообще есть – и на этом всё. Редкие письма были, ну и мы такие же редкие письма отправляли. Последнее при мне, как раз после возвращения, мама сестре написала, что Таня поступила учиться на медика в Москве. Она, по-моему, всем, кому могла, об этом рассказала. Когда мама приняла эту новость, то даже обрадовалась, что наша со старшей сестрой афера получилась.

Я практически всё время пропадал в лесу. Единственная моя подготовка, которую я всё же проводил, – это запасал продовольствие. Когда мы ездили в райцентр и мама с бабушкой и сестричками на почте общалась с Таней, я закупал в магазине всё, что мне было нужно. В основном продовольствие для дороги, ну и разные вещи, включая медикаменты. Всё это хранилось в тайнике неподалёку от райцентра. Будем уезжать – заберём. А так я уже всё распланировал, и думаю, у нас всё получится. Вот только отец... отец уехать не даст. Было одно решение, и, к сожалению, единственное из возможных. Отца заберут в армию, призовут – это сто процентов, это неизбежно, вот когда это произойдёт, и с другими односельчанами он отправится на призывной пункт, после проводов, всё и будет решаться. Тогда соберёмся и покинем эти места, двинув в Москву. Главное – не переждать, а то поздно будет, на оккупированной территории окажемся, а этого очень не хочется. Я даже придумал, как это проделать. Служебный транспорт отца, лошадей и повозку, скорее всего, заберут на нужды армии, значит, будем покупать. Дом наш новопостроенный передадим или продадим, да на ту же телегу с лошастью поменяем, это сейчас ценнее. Я уже прикинул, одной повозки нам мало, две будем добывать.

Это всё в планах, а так всё будем проводить по ходу дела, импровизируя при нужде. Гибкая идея получилась, по сравнению с жёстко прописанным планом.

Вот так, размышляя, я сам не заметил, как дошёл до опушки и увидел, что от деревни люд торопился по дороге в сторону леспромхоза. Радио в деревне не было, не подвели пока, а в леспромхозе имелось, видимо, передавали сообщение Молотова.

– Что случилось? – спросил я знакомую старушку, что жила через два дома от избы деда. Кстати, дед с бабушкой также переехали в наш новый дом.

– Война внучок, война, – вздохнула та и засеменила дальше, горестно качая головой.

– Угу, понятно.

Перекинув палку на другое плечо, я заторопился к нашему дому. Войдя во двор, вдохнул хвойный аромат брёвен. Отец, закончив с домом, уже доделывал хозяйстройку, но сейчас инструмент раскидан, и никого во дворе, кроме бабушки. Та меня тоже не обрадовала: немцы напали сегодня рано утром. Почтальон верхом был в деревне час назад, сообщил такую беду. Я лишь мысленно выругался, похоже, информацию мою серьёзно не восприняли. Ну и ладно, теперь воспримут и будут знать, чего ожидать, хоть как-то подстрахуются.

Убрав мясо на ледник, я тоже побежал в леспромхоз. Не успел, все уже возвращались, тут же были и мои. Сказал отцу о добыче, о количестве мяса по весу. Тот молча кивнул, принимая информацию, и сообщил, что набрёл на незаконную вырубку. Вывозили стволы деревьев на тракторе. Следы те же, что и на другой вырубке, обнаруженной мной две недели назад. Вырубать деревья можно было только с разрешения отца или его начальства. Он такого разрешения не давал, начальство тоже, отец ездил в город узнавать. Нужно отлавливать бандитов. Тракторов у нас в районе не так и много, следы я запомнил, можно проехать, посмотреть, кто это тут такой наглый. Брать нужно, когда рубить будут, с понятыми и милицией. Однако сегодняшние вести, похоже, ставили крест на планах отца. Правда, он всё равно был ответственным, даже по такому делу. Так что будем искать.

Мы все вместе дошли до дому. Работы по нему на сегодня были явно прекращены, наши помощники разошлись по своим домам, остались только двое, кому до дому далеко идти, но работать всё равно не стали. На столе в саду отец поставил литровую бутылку с самогоном, бабушка накидала закуски. Да, день не однозначный. И взрослые стали квасить, к ним ещё дед присоединился, похоже, они прекрасно представляли, что это за война будет. А вот молодёжь школьного возраста ввела меня в ступор – они бегали, кричали «Ур-ра-а-а!». Это вообще как? Война, столько смертей... Мозгов вообще нет, да и те, что старше, кто уже школу окончил, тоже были в приподнятом настроении и рвались к военкомату. Их стремления меня радовали, но не настрой.

Пока отец сидел с мужиками и дедом в саду, я собрал инструмент и во дворе прибрался.

Утром отец с больной головой запряг Ветерка и ускакал в город, к начальству, ну а я потопал в райцентр по тропинке, по которой мы бегали в школу. Директриса была на месте, немного нервная, по радио передавали обстановку на границе, но только общее, идут бои, а у неё там, на Западной границе, сын служил. Меня она выслушала внимательно и согласилась выдать подписанные табели с оценками мне с сестрой и двум младшеньким. Вопросов не задавала. У меня почти все пятёрки были, только одна четвёрка. И в прошлой жизни, и в этой черчение мне так и не давалось.

Все документы я спрятал, не стоит их пока показывать. Ещё следует маму, бабушку и деда отвезти в райцентр решить вопрос насчёт паспортов, ни у кого документов не было, но с отцом это не прокатит. Может что-то заподозрить. Хотя мама у меня умница, намёками можно попробовать воздействовать на неё, нам документы кровь из носу нужны. Оба родителя у меня беспартийные были, даже не комсомольцы. Ладно, позже решим.

Таня в Москве нервничала, но мама по телефону убила её не ехать к нам, а спокойно дожидаться начала учебного года и учиться. К моему удивлению, отца призвали не сразу, почти

две недели прошло. До такой степени тянули, что стало слышно, как гроыхает вдаль артиллерия. Из нашей деревни уже троим повестки пришли, и те ушли на призывной пункт, когда почтальон постучался и в нашу калитку. Ох, как мама заголосила, но быстро смолкла, когда отец на неё шикнул. Проводы мы отгрохали шикарные. Я впервые видел отца без бороды. А он, оказалось, вполне молод, всего тридцать девять лет, но усищи оставил как у Будённого. Провожали его в райцентр пешком, всех лошадей и повозку у нас забрали ещё неделю назад.

Отцу вещи в дорогу собирала мама, но, когда она отлучилась, я половину выложил, барахло, и положил своё – консервы, крупу, сухарей, хороший нож да наган с сотней патронов. Ну и фляжку с водкой. Как же без неё? Отец разберётся, я ему сверху записку с содержимым положил, чтобы перед другими не светил неучтённое оружие. Попрощавшись, он устроился в кузове одной из трёх полуторок, которые были полностью призывниками заняты, и машины уехали куда-то в тыл.

– Вот и остались мы одни. – Дед стянул кепку и вытер ею лицо.

Это точно, – кивнул я, после чего, резко развернувшись на каблуках, отрывисто стал говорить: – Вам всем троим нужно срочно получить паспорта с прописками. Сейчас идём в райотдел. Я уже всё узнал, должны выдать.

Вокруг меня стояли все, всё же отца провожали, так что слышали всё, что я сказал. Мама удивлённо посмотрела на меня и поинтересовалась:

– Что ты хочешь сказать?

– Я прямо говорю: завтра мы уезжаем в Москву. Немцы тут будут очень скоро, сами слышите отголоски артиллерии. К этому времени нас здесь уже не должно быть. Я отцу записку в мешке оставил, чтобы писал на Танин адрес, её общежития, нас в деревне уже не будет. Я не хочу, чтобы у вас или у меня стояла отметка в документах: «Находился на оккупированных территориях, неблагонадёжен». Не будет такого, я не допущу. И так времени много потеряли, так что поторопимся.

Мы отошли от всех чуть в сторону и общались вполголоса. Я старался убедить маму и дедушку с бабушкой. Если останемся, нам не жить. Побьют всех немцы. Одно упоминание того, что немцы даже детей не жалеют, решило дело в мою пользу.

Мама и так пешком с трудом одолела дорогу до райцентра, всё же на сносках, а тут совсем ослабла. Отсиделась на лавке у закрытого пивного ларька и кивнула. Раз нужно, паспорта будут. Сопроводив её и стариков до райотдела и оставив маму с бабушкой писать заявления, мы с дедом и ребятнёй пошли по одному адресу. Тут на окраине Сланцев мужик повозку продавал и двух лошадей, отличные лошади и транспортное средство. Но покупателей было мало, цену драл. Я раньше тоже походил, покрутился, посмотрел, а сейчас реально шли покупать, деньги при мне. Хозяин был дома, крепкий такой пятидесятилетний мужик. Он без удивления нас встретил и начал показывать, что продаёт. Дурачина, даже цену не поднял. Две недели, как война идёт, а цена у него та же. Дед не спрашивал, откуда у меня деньги, просто сам всё осмотрел и кивнул, годные лошади и повозка. Уплатив, я попросил написать расписку. Так что к райотделу мы подкатили все вместе на повозке. Мама с бабушкой удивлённо встретили наше появление.

Мама сообщила, что заявление приняли, но документы не дали: на днях пришёл приказ сверху: не давать. Вздыхнув – похоже, мы тут в пролёте, вернёмся к этому вопросу в Москве, – посадили рядом со мной маму, а бабушку назад к деду и ребятне и покатили в деревню. Малышня очень веселилась.

Когда мы были уже на окраине райцентра, над нашей головой разгорелся настоящий воздушный бой, и я натянул поводья, наблюдая его вместе со всеми и сопереживая. Так-то самолёты не раз пролетали над нами, да почти постоянно, а тут настоящий бой! На немецкие бомбардировщики насакивала тройка краснозвёздных истребителей, те сгруппировались и активно оборонялись. Что за истребители, я так и не понял, но не «ишачки» точно, силуэты не

похожие, их ни с чем не спутаешь. И-16 над нами уже летали, так что их силуэты я запомнил, а эти новенькие, видимо, свежую часть перебросили.

– Смотри, горит! – радостно закричала Марина, показывая, как двухмоторный бомбардировщик с крестами на крыльях и с дымным хвостом пикирует к земле.

– Эй, там же наша деревня, – озадаченно пробормотал я.

Почти сразу раздался грохот, и земля дрогнула. Мы хором понадеялись, что самолёт упал далеко от деревни, и продолжали наблюдать за боем. Немцы в нём потеряли три самолёта, наши – один, лётчик выбросился с парашютом, но далеко. Когда бой сместился и деталей не было видно, мы направились к деревне по объездной дороге. Но Марина не выдержала, соскочила и побежала по тропинке напрямик. Те, что постарше, с Димкой рванули следом, ну а мы степенно двинулись. Я по ходу объяснял маме, что ей нужно официально уволиться и получить на руки подобие трудовой книжки.

В это время рядом остановилась полуторка с армейской хлебопекарни, полная милиционеров. Я тоже остановил повозку.

– Сашка, – обрадовался мне знакомый лейтенант Серёжа из райотдела. Он меня хорошо знал, так как мы с отцом недели три назад, как раз за несколько дней до начала войны, участвовали в загоне банды. Взяли почти всех, по следам нашли. – Пятеро немцев на парашютах выбросились. Без тебя мы их не найдём, тут леса сплошные.

– Понял, – кивнул я и протянул поводья деду. – Я постараюсь быстро.

– Не рискуй, – напутствовала мама.

– Мы немцев сами изловим, пусть только проводит лесными тропами, – успокоил лейтенант маму.

Я забрался в открытый кузов хлебозовки, два милиционера мне помогли, и сел на свободное место. Машина тронулась, и мы по ухабам на максимальной скорости рванули к месту ближайшего приземления парашютиста. Жаль, я без оружия, лишь нож при мне, но я и так опасен, тем более вон шесть милиционеров с карабинами и трое, если лейтенанта в кабине считать, с револьверами или пистолетами. Справимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.